НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

ИСЧЕЗАЮЩИЕ 3

В ТЕМНОТЕ

КОЛЬЦО БЕССМЕРТНОЙ

Наталья Васильевна Тимошенко

Исчезающие в темноте. Кольцо бессмертной

Серия «Исчезающие в темноте», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

У Марка Гронского и Леры серьезные неприятности. Ворожея, которую они пригласили работать в свой магический салон, в первый же день оказалась убита. Несчастную пытали, а рядом с телом зачем-то оставили черные перья. От внимания Леры не укрылось, что с пальца девушки пропало необычное кольцо. Как выяснилось, Агнесса была не первой жертвой – в городе завелся охотник на ведьм. Теперь Лере и Марку придется заняться собственным расследованием. Кто знает, какие цели преследует убийца и кто окажется его следующей жертвой?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	63
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Тимошенко
Исчезающие в темноте. Кольцо бессмертной

Глава 1

Санкт-Петербург вызывал восторг. Да и какие еще чувства могли возникнуть у двух провинциальных девушек, не знавших в своей жизни ничего, кроме лесов, болот, старых деревянных домов и вечно размытых дождями дорог, увидевших большой прекрасный город? Широкие проспекты, огромные каменные строения, порой насчитывающие больше сотни, а то и двух сотен лет, величественные храмы, многочисленные реки и каналы, дорогие магазины, яркие вывески – все это заставляло обеих ходить с раскрытыми ртами и мечтать когда-нибудь сюда вернуться. Еще не попрощавшись с Санкт-Петербургом, они уже скучали по нему.

С погодой повезло: все то время, что они находились здесь – а это уже почти неделя – ярко светило солнце, нагревая каменные дома, а ночами те отдавали тепло обратно, не позволяя температуре воздуха сильно снижаться. Тетя Лида, двоюродная сестра Надиной мамы, у которой и остановились девушки, утверждала, что такого лета не было лет пять,

а то и все десять, но Наде это казалось некоторым преувеличением. Безусловно, она знала, что Санкт-Петербург славится своей отвратительной погодой, бесконечными дождями и сильными ветрами, но сейчас не могла до конца в это поверить. Разве может такой красивый город не радовать своих жителей летней погодой?

Еще Надя упорно не понимала поговорки про двести оттенков серого, которые умеет различать любой петербуржец. Лично она не видела здесь ничего серого, что откровенно бросалось бы в глаза. Разве что некоторые старые дома, но серость даже возвышала их над более новыми и менее значительными зданиями. Нева ярко блестела синевой, высокое небо без единого облачка казалось бесконечно-голубым, витрины переливались всеми цветами радуги. Даже обычные жилые дома вовсе не выглядели серыми. Те, которые поновее, вообще порой походили на попугаев. Постарше, в которых жила и тетя Лида, были выкрашены жизнерадостно-желтой краской. Да, окна тетиной квартиры выходили во двор-колодец, в котором каждый звук отражался от стен и разносился по всем квартирам, а в подъезде – ой, парадной! – воняло кошачьей мочой, но Наде это казалось сущими пустяками, на которые не стоит даже внимания обращать, не то что жаловаться. Ради жизни в Санкт-Петербурге можно смириться с некоторыми неудобствами.

За эту неделю они с Алисой, казалось, обошли пешком весь центр, посетили все значимые места и музеи. Даже поз-

волили себе пару раз сходить в недорогие рестораны. Вечерами, возвращаясь домой, поглядывали и на призывные вывески ночных клубов, но зайти не решались. Надя не очень-то любила всякие тусовки, а Алиса и рада была бы потанцевать и выпить пару коктейлей, им ведь уже исполнилось восемнадцать, но обе понимали, что даже самая новая и модная их одежда бесконечно устарела в глазах питерских модниц. Они, скорее всего, даже фейс-контроль в приличном месте не пройдут, а если и пройдут, то будут чувствовать себя крайне неуютно. Поэтому обе предпочитали клубам и ресторанам те же музеи. Потанцевать и выпить они и дома могут, а вот где еще увидишь картину Да Винчи в оригинале или всю Россию в миниатюре, с настоящими реками, городами и машинами?

До отъезда оставалось всего два дня, поэтому девушки использовали любую возможность побродить по полюбившимся улицам, еще немного поглазеть на величественные дома и уютные летние террасы кафе и ресторанчиков. Денег у них осталось немного, но на последний ужин где-нибудь чуть дальше от Невского проспекта, не среди основного потока туристов, вполне хватит.

Они как раз свернули на одну из многочисленных улочек, уводящих дальше от главной артерии города, когда на глаза попалась необычная вывеска: на черном фоне серыми буквами каким-то замысловатым шрифтом было написано «Магический салон. Общение с духами умерших, ответы на лю-

бые вопросы. Вход под арку».

Увидев эту вывеску, Надя постаралась побыстрее прошмыгнуть вперед, пока на нее не обратила внимания Алиса, но было поздно: та остановилась, задумчиво разглядывая серые буквы. Надя тяжело вздохнула и тоже замедлила шаг.

– Али-и-ис, – позвала она, делая вид, что ничего не заметила. – Пойдем! Пить хочется ужасно, а навигатор говорит, что за углом как раз кафе с холодным лимонадом.

– Погоди, – отмахнулась Алиса, и Надя была вынуждена вернуться обратно.

Интерес подруги к разным мистическим вещам не был для нее секретом. Несколько лет назад мать Алисы погибла от рук ритуального маньяка, и с тех пор девушка заинтересовалась разной магией и колдовством. Сама, конечно, ничего такого не практиковала, но читала и смотрела на эту тему много. Даже здесь, в Санкт-Петербурге, они ездили на экскурсию по мистическим местам, которая показалась Наде крайне скучной, но вызвала неподдельный интерес у Алисы. И вот сейчас этот салон!

– Ну что еще? – мрачно спросила Надя, подходя к подруге. – Очередные шарлатаны, что тут необычного? Этих вывесок уже знаешь сколько было?

Алиса упрямо помотала головой, не сводя глаз с вывески.

– Давай зайдем, – предложила она.

– С ума сошла? Мы же вместе ту передачу смотрели. Обман это все! Сейчас у тебя последние деньги заберут, ужа-

стиков таких понарассказывают, что сама побежишь в банк за кредитом, только бы порчу и родовое проклятие сняли. А когда в себя придешь – все, поздно. Квартира продана, денег нет, банк выплаты требует. А с них как с гуся вода, их менты крышуют.

– Я не буду брать никаких кредитов, – уверенно возразила Алиса, направляясь к арке. – И я готова пожертвовать деньгами на сегодняшний ужин.

Надя продолжала упрямо стоять посреди тротуара, даже когда подруга скрылась в подворотне. Она ужином жертвовать была не готова. Более того, она ужасно мучилась от жары, хотела пить, поэтому не была готова жертвовать даже деньгами на холодный лимонад! Но не бросать же Алиску одну?

Тяжело вздохнув и емко выругавшись, Надя бросилась следом.

Магический салон находился в полуподвальном помещении, отгородившись от внешнего мира тяжелой коричневой дверью, на которой висела очередная табличка «Магический салон. Прием ведут мастер спиритизма высшей категории Марк Гедеонович и его личный помощник Валерия». К двери вела довольно-таки крутая лестница с разбитыми ступеньками. Правда, быстро попасть в салон не получилось: дверь оказалась заперта, хотя часы работы под табличкой уверяли, что сейчас самое время для его посещения. Он и так работал через день и всего по четыре часа. После недол-

гих поисков сбоку от двери обнаружилась небольшая кнопка, нажав на которую, девушки услышали протяжный писк, а затем что-то щелкнуло, и тяжелая дверь отошла от стены, давая понять, что проход открыт.

Сразу за дверью начиналось сумрачное потустороннее царство призраков и неупокоенных душ. Зной летнего дня остался за спиной, и девушки очутились в кромешной темноте, наполненной прохладой и удушливым запахом расплавленного парафина. Лишь когда глаза снова начали различать предметы, они увидели, что находятся в узком тесном коридорчике, а прямо перед ними висят тяжелые шторы. Те оказались неплотно сомкнуты, и через щель пробивался тусклый мигающий свет. Раздвинув шторы, Надя и Алиса увидели сам салон.

Просторное помещение имело лишь одно узкое окно под самым потолком, но и оно было закрашено черной краской, а потому почти не пропускало дневной свет. Освещался магический кабинет многочисленными толстыми свечами, которые занимали, казалось, почти все горизонтальные поверхности: они были расставлены на небольших столиках, тумбочках, этажерках, и мерцали, придавая кабинету поистине колдовской вид и выжигая весь кислород из воздуха. На стенах висели зеркала разных форм и размеров, в которых отражались свечи, и казалось, что их целые сотни, если не тысячи.

Вообще салон показался Наде страшно захламленным.

Кроме столиков и этажерок здесь стояли еще два больших дивана, три кресла и круглый стол между ними. На одном из диванов, вольготно раскинувшись среди кучи мягких подушек, полулежала женщина. На ней было надето длинное черное платье в пол, открывающее плечи и тонкие руки, щедро украшенные многочисленными браслетами и кольцами. Длинные пальцы заканчивались острыми коготками, шикарные черные волосы рассыпались по подушкам как в рекламе шампуня, а на лице красовались огромные темные очки.

«Помощница Валерия, – сразу догадалась Надя. – Интересно, а где мастер-ломастер высшего разряда?»

– Садитесь, – велела женщина, указывая рукой на противоположный диван.

Когда девушки заняли указанные места, а сама помощница села, Надя увидела, что она очень молода. Едва ли ей хотя бы двадцать пять. Черные волосы и вульгарно накрашенные губы даже не старили ее, а просто придавали нелепый вид. Помощница окинула взглядом обеих гостий и, наверное, сразу определила, что магией интересуется именно Алиса, потому что в дальнейшем обращалась только к ней.

– Меня зовут Валерия, я ментальный экстрасенс, выпускница школы мага Александруса, помощница мастера спиритизма высшей категории Марка Гедеоновича. Какая помощь вам нужна?

Надя, запутавшаяся в званиях девицы уже на третьем слове, скептически посмотрела на подругу.

– Мы хотим узнать будущее, – уверенно заявила Алиса. Ту, казалось, нелепые названия ничуть не смутили.

– В нашем кабинете не гадают, – разочаровала ее Валерия. – Я могу дать вам адрес хорошей гадалки, если вам нужно именно будущее узнать.

Надя обрадовалась, что Алиса согласится на адрес гадалки, а там уж, когда у нее будет чуть больше времени, она сумеет убедить подругу в глупости этой затеи, но та не собиралась сдаваться просто так.

– А что у вас делают?

– Разве вы не видели вывеску? – картинно приподняв над очками угольно-черную бровь, удивилась Валерия. – Мы занимаемся общением с духами умерших.

– Это мне подходит! – тут же кивнула Алиса.

Надя едва не застонала вслух.

– И сколько стоит сеанс? – мрачно поинтересовалась она. В той передаче, которую они с Алисой как-то смотрели, назывались баснословные суммы. Тут уж деньги не только за ужин пойдут, но и за обратные билеты, а то еще и сережки отдать придется.

– У нас нет установленной таксы, – улыбнулась Валерия. – Деньги Марка Гедеоновича не интересуют. Сколько захотите, столько и оставите. Позвать мастера?

– Зовите, – кивнула Алиса.

Валерия поднялась с дивана и, элегантно шурша складками черного платья, скрылась за еще одной дверью, которую

Надя не заметила раньше, настолько та сливалась со стеной.

– Зря мы в это ввязались, – прошептала Надя, когда за Валерией захлопнулась дверь.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Алиса. – Вот даже денег много не просят. Сколько сможем, столько и дадим.

– Ага, конечно! С чего вдруг такая щедрость? Сейчас придет сюда какой-нибудь старик-гипнотизер, так тебя обработает, что и квартиру на него перепишешь…

Договорить Надя не успела, потому что дверь снова скрипнула, впуская в кабинет Валерию и того самого мастера. Им, к удивлению Нади, оказался вовсе не старик, а мужчина лет тридцати пяти. Высокий, светловолосый, он тоже был одет во все черное, но не в брюки и фрак, что подходило бы к наряду помощницы, а в обычные джинсы и футболку. Пожалуй, мага в нем выдавали лишь несколько длинных блестящих цепочек с различными кулонами на шее, да набалдашник трости в виде раскрытой головы змеи.

– Добрый день, дамы, – поздоровался маг и, чуть прихрамывая, направился к креслу. – Моя помощница сказала, что вы желаете пообщаться с духами? С кем конкретно?

– С моей мамой, – уверенно заявила Алиса.

Мастер, непонятно зачем представляющийся по имени-отчеству, лишь коротко кивнул. Даже не им, а своей помощнице. Та тут же засуетилась, принялась доставать со стеллажей и расставлять на столе разнообразные предметы: большой стеклянный шар, черный платок, коробочку с длин-

ными, похожими на церковные, свечами, блюдце с водой, а также белый лист бумаги и простой карандаш. Последнее удивило Надю больше всего. Как-то не вязались обычные карандаш и бумага с магией. А где же спиритическая доска или что там обычно нужно на подобных сеансах?

Марк Гедеонович поставил миску перед собой, накрыл шар черным платком и зажег одну длинную свечу. Помощница встала за его спиной, положив руки на спинку кресла.

– Как зовут вас и как зовут вашу маму? – поинтересовался маг.

– Я Алиса, а мою маму звали Тамара Самойлова, – тут же отрапортовала Алиса.

– Когда она умерла?

– Почти два года назад, в октябре.

Марк Гедеонович кивнул, и в кабинете установилась полная тишина. Он провел несколько кругов свечой над блюдцем, роняя в воду расплавленный воск, который сливался в причудливые узоры, а затем что-то зашептал. Сколько ни прислушивалась Надя к его словам, а ничего разобрать так и не смогла.

Монотонное бормотание убаюкивало, удушливый смрад свечей и мерцание пламени делали веки тяжелыми, и Надя едва не уснула. Ей с трудом удавалось удерживать себя в сознании, но наконец маг замолчал. Алиса выпрямилась на диване, и сама Надя тоже почувствовала непонятно откуда взявшийся сквознячок, пробежавший по позвоночнику.

Она мельком оглянулась по сторонам. Казалось, пламя всех свечей немного приглушилось, как будто им тоже перестало хватать кислорода. В остальном же в кабинете все оставалось по-прежнему. Но, видимо, только для них троих, потому что маг уставился в дальний угол, даже прищурился, хотя было совершенно непонятно, что он там видит.

– Подойди, – неизвестно кому велел он.

Надя слышала, как задержала дыхание Алиса. Ей и самой стало трудно дышать, в груди завязался тугой узел не то страха, не то странного возбуждения. Она уже почти поверила в то, что мама Алисы реально отозвалась на призыв.

– Она здесь? – глухо спросила Алиса.

Маг кивнул. Но вместо того, чтобы начать задавать вопросы призраку или Алисе, он вдруг подтянул к себе лист бумаги и карандаш и принялся быстро рисовать. Серые линии ложились на белую бумагу, и несколько минут спустя Надя увидела, что маг рисует портрет женщины, а спустя еще короткое время узнала в ней тетю Тамару, маму Алисы. Надя быстро взглянула на подругу и увидела слезы в ее глазах.

Но что это за фокус? Откуда этот Марк Гедеонович знает, как выглядела тетя Тамара? Они ведь не показывали фотографий, даже словами не описывали! А попадание такое точное, как будто с живого человека портрет рисует! Как те художники, что кучками сидят на Невском и ближайших улицах, зарабатывая на туристах.

Наконец маг отложил карандаш в сторону, стряхнул с

листка остатки графита и повернул его к Алисе.

– Ваша мама?

Та только молча кивнула, не в силах выдавить ни слова. Маг повернулся к своей помощнице и отдал листок ей. Валерия несколько секунд разглядывала его, затем тоже кивнула и наконец сняла с носа темные очки.

Кабинет и все находящееся в нем на мгновение подернулось рябью, как будто Надя смотрела на все через толщу воды и кто-то бросил в нее камень, но это быстро прошло. Треск свечей прошел, пламя на них вновь вытянулось в перевернутую каплю. Маг улыбнулся и сделал приглашающий жест.

– Ваша дочь хочет поговорить с вами.

Надя не сразу поняла, к кому он обращается, и лишь секунду спустя с суеверным ужасом и детским восторгом увидела рядом с креслом Марка Гедеоновича тетю Тамару. Самую настоящую тетю Тамару! Точно такую же, какой она была при жизни!

Надя шумно вдохнула, но вдох этот потонул в громком всхлипе Алисы.

* * *

Когда за девчонками захлопнулась тяжелая входная дверь, Лера подняла жалюзи, и магический кабинет залил яркий солнечный свет. Магия мгновенно исчезла, даже све-

чи и зеркала больше не вызывали мистического трепета. Просто обычная комнатушка в подвале со старой мебелью. Только воздух оставался удушливым от парафина, поэтому Лера, взобравшись на низкий столик, приоткрыла узкое окно на проветривание. Магия магией, но если не впускать в кабинет свежий воздух, то к концу смены здесь дышать будет нечем. Особенно в такие дни, как этот: старый дом, в котором находился их подвал, снова остался без электричества, и освещать кабинет приходилось исключительно свечами.

Зато клиентки ушли впечатленные. Настолько, что обе оставили в настоящем человеческом черепе, который служил «магам» кассовым аппаратом, все свои сбережения. А ведь Лера видела, что блондинка сначала была настроена скептически. Однако в магическом кабинете Марка и Леры любой, даже самый рьяный скептик, начинал верить в потусторонние силы, потому что, в отличие от большинства колдунов и экстрасенсов Санкт-Петербурга, оба кое-что умели, пусть и придумали себе яркие звания для красоты, да и большинство ритуалов совершали, чтобы впечатлить посетителей.

Четырнадцать лет назад Марк попал в страшную автомобильную аварию, долго лежал в коме, а выйдя из нее, начал видеть и слышать призраков. Сначала он, как и любой нормальный человек на его месте, принял это за последствия черепно-мозговой травмы и даже самостоятельно отправился в соответствующую лечебницу, где его вполне «успешно»

лечили. Тяжелые препараты затуманивали мозг и сознание, и на какое-то время призраки замолкали. Врачи принимали это за ремиссию, выписывали его, он прекращал пить таблетки, и через какое-то время все начиналось сначала. Там же, в психиатрической больнице, дорогой и элитной, он и познакомился с Лерой.

У Леры способности были еще более выдающимися, и обладала она ими с рождения. Она умела создавать в своей голове разнообразные образы и даже целые миры и делиться ими с окружающими. Стоило кому-то заглянуть ей в глаза, как любой человек – и, как выяснилось гораздо позже, не только человек, но и призраки – видел все, что показывала ему Лера, принимая происходящее за реальность. Родители, испугавшись необычной дочери, отказались от нее, хоть и продолжали исправно оплачивать ее пребывание сначала в приюте, а затем и в лечебнице. Марк был первым, кто додумался спрятать Лерины глаза за стеклами темных очков, тем самым избавив окружающих от ее кошмаров, а ее саму – от кошмара собственной жизни.

Им обоим несказанно повезло, что однажды в лечебницу пришла работать психиатр Ксения Борисовна Федорова. Мать Ксении была цыганкой, и дочери передались некоторые способности к гаданию, а также вера в потусторонние силы. Ксения быстро признала в Марке настоящего медиума, а в Лере – телепата. С ее помощью оба покинули психушку, и все вместе они открыли свой первый магический

салон. Тот процветал несколько лет, ведь в нем работали настоящие экстрасенсы.

Все закончилось одним летним днем, когда Ксения погибла. Лера не любила вспоминать те события, и они с Марком почти никогда о них не говорили. После этого оба пытались жить нормальной жизнью. Марк женился, у него даже дочь родилась. Правда, еще более необычная, чем отец. Лера тоже вышла замуж. Однако потусторонний мир никогда до конца не отпускает тех, кто уже попал в его сети, и год назад они снова вернулись к магии.

На этот раз магия приносила скорее удовольствие, чем деньги, в финансах оба не нуждались. Лера была замужем за очень состоятельным человеком, на много лет старше нее самой, Марк же писал потрясающие картины и довольно успешно их продавал. Магическому салону они уделяли всего три дня в неделю. И совместная работа их заключалась в следующем.

Марк не просто видел души умерших, он умел вызывать их с того света. Те почти всегда отзывались на его призыв. Чем раньше умер человек, тем размытее был его образ, но в таком случае обычно и родственники уже плохо помнили внешность того, с кем решили пообщаться. «Свежие» же призраки походили на обычных людей как две капли воды. Марк, хоть и утверждал, что портреты ему не очень удаются, был хорошим художником, и быстро зарисовывал внешность явившегося призрака, а уж Лера по рисунку воссоздавала

умершего и показывала его родственникам. Эффект всегда оказывался потрясающим.

Единственное, чего, на взгляд Леры, не хватало салону, – это гадалки. Желание заглянуть в будущее в людях неистребимо. Эта услуга очень сильно подняла бы статус их салона. Поэтому, открыв окно, Лера снова плюхнулась на диван, на котором лежала до прихода гостей, и посмотрела на Марка сквозь темные очки. Тот полулежал в кресле, запрокинув голову на спинку и прикрыв глаза. Лера знала, что в салон он приехал прямо из своей мастерской, где всю ночь работал, а потому страшно не выспался.

– Гадалку нам надо, – в который раз за последние несколько месяцев заметила она.

– По-моему, мы и без нее неплохо справляемся, – точно так же в который раз хмыкнул Марк.

– Но это сильно расширит спектр наших услуг!

Марк поднял голову и посмотрел на Леру.

– И зачем нам это? Я и так еле тяну этот салон. Особенно сейчас, когда куча других дел.

«Когда на меня снизошло вдохновение», – мысленно поправила его Лера. Иногда ей казалось, что Марку уже надоела вся эта игра в магию. Когда-то, работая в салоне Ксении, он забросил искусство. Потом, когда предлагал Лере воссоздать салон, с ним тоже были проблемы. Но сейчас Марк снова вернулся к картинам и выставкам, заново заработал себе имя, и магия начала его тяготить. Он никогда не признавал-

ся в этом вслух, а Лера не решалась спрашивать, боясь услышать ответ. Одна она салон не потянет. И если у Марка было его искусство, то у Леры, кроме магии, не было ничего.

– Так в том-то и дело, что гадалка может разгрузить нас! – горячо воскликнула она. – Сами будем только по записи работать, а она пусть сидит тут и туристов развлекает.

– Допустим, – сдался Марк. – Только где ее взять? Мы уже смотрели – сколько? Трех? И кто из них оказался настоящей гадалкой? А брать самозванку в свой салон, извини, я не буду. Мне дорога репутация.

Леру задел этот «свой салон», как будто ей здесь ничего не принадлежало, хотя, между прочим, за аренду помещения платил ее муж. Сначала они начинали платить пополам, но затем Марк то забывал, но ему было некогда, и оплата плавно легла на Лерины плечи. Однако она промолчала. Из трех просмотренных ими гадалок ни одна на самом деле ничего не умела, только мозги народу пудрили. Но это беспечных туристов можно обмануть, а Марка не обманешь, он фальшь в экстрасенсорике распознавал на раз.

– Я нашла еще одну, – призналась Лера.

– Что за она? – мгновенно заинтересовался Марк.

– Какая-то приезжая с Алтая. Сама мне написала, спросила, не хотим ли мы расширить штат.

Лера видела недовольство, проскользнувшее во взгляде Марка, и понимала его. В магическом мире даже большого города невозможно существовать обособленно. Так или

иначе, они были знакомы с другими экстрасенсами, колдунами и магами и давно заметили тенденцию: приезжие зачастую наглее и ненасытнее коренных петербуржцев. Муж объяснял это Лере не плохим воспитанием или жаждой наживы, а обыкновенным расчетом. Коренным петербуржцам не нужно устраивать свою жизнь на новом месте с нуля. Зачастую они даже клиентов принимают у себя дома, не тратясь на аренду помещения. Особенно если корни их уходят так глубоко, что квартира, доставшаяся по наследству, располагается где-нибудь в центре или, в крайнем случае, в исторической части Васильевского острова или Петроградской стороны. Приезжим же нужно платить за аренду жилья, рабочего кабинета, заново покупать вещи и бытовую технику, а порой еще отсылать деньги родне.

Марк же принципиально не желал устанавливать какую-либо таксу за работу. Какая нормальная гадалка со стороны согласится работать на таких условиях?

– Давай хотя бы посмотрим ее, – попросила Лера. – Местные к нам не пойдут, сам понимаешь. Здесь у каждого своя практика и своя клиентура, зачем им с кем-то кооперироваться? Новых сейчас с огнем не сыщешь, особенно в нынешней ситуации, все боятся светиться.

Марк непонимающе нахмурился.

– В какой ситуации?

Лера страдальчески возвела глаза к потолку. Иногда ее удивляла способность Марка не интересоваться тем, что

происходит вокруг. А сейчас, когда он уже несколько месяцев подряд вдохновленно пишет картины, его и вовсе не интересуют последние новости.

– Ты разве не слышал? У нас, кажется, объявился маньяк. Уже двух гадалок убил.

Светлые брови Марка подпрыгнули к волосам.

– Ну вот, а ты хочешь к нам гадалку взять, – усмехнулся он. – Проблем в жизни мало?

– Так ведь я хочу настоящую гадалку, а ты сам говоришь, что убивать готовы тех, кто просто деньги выманивает, – парировала Лера. – А эту женщину на родине хвалят.

– Всех их сначала хвалят, – хмыкнул Марк. – А потом заявы в прокуратуру пишут. Ладно, – он поднялся с кресла, явно намереваясь уйти в соседнее помещение, где у них располагалось нечто вроде крохотной кухни и комнаты отдыха. – Зови свою гадалку, посмотрим, на что она способна.

– Я уже позвала, – призналась Лера, победно улыбнувшись. – Должна прийти сегодня после четырех. То есть уже вот-вот.

Марк остановился и посмотрел на нее. Снова, как ей показалось, недовольно.

– Я не могу остаться сегодня. Мне нужно до шести забрать Гретхен из детского сада. Я обещал Рите, она сегодня в сутки.

Лера умоляюще сложила руки.

– Я обещаю, ты успеешь. Я же не могу смотреть эту гадал-

ку сама, я в этом ничего не понимаю.

Марк разглядывал ее еще несколько долгих секунд, а затем кивнул.

– В пять я ухожу, – предупредил он.

– Не вопрос! – весело отозвалась Лера.

Однако веселье ее быстро угасло, когда в заявленные четыре часа гадалка не явилась. В пять минут пятого она позвонила сама, страшно извиняясь, и сказала, что заблудилась, но уже скоро будет. Марк, конечно, не преминул воспользоваться этим, чтобы снова выразить свое недовольство по поводу гадалки с Алтая. Однако, когда она наконец появилась на пороге их магического кабинета, вынужден был взять свои слова обратно.

* * *

Гадалка, представившаяся Агнессой, производила интересное впечатление. В отличие от большинства женщин этой профессии, она предпочитала не черный цвет, а белый. Длинный белый сарафан, белые босоножки на толстой подошве, белая сумочка, украшенная белыми бусинами. Даже волосы у нее были белыми. Не просто светлыми, как у Марка, а по-настоящему белыми. Длинные, идеально ровные, они спускались снегопадом почти до пояса. При всем этом девушка не была альбиноской. Брови и ресницы пшеничные, кожа загоревшая. Значит, волосы просто-напросто

крашеные.

Единственное, что могло выдать в ней гадалку, – это украшения. Уж если Лера любила на «работе» обвеситься ими, то Агнесса превзошла даже ее. Браслеты, подвески, кулоны, сережки, несколько колец на каждом пальце. И в каждом так или иначе присутствовал белый цвет: либо белый камень, либо белые бусины и нитки. Особенно интересным показалось Лере кольцо, которое Агнесса, в отличие от остальных, носила единственным на среднем пальце левой руки: три нити из белого золота переплетались между собой и вместе оплетали огромный кроваво-красный камень. Лера могла бы поклясться, что это настоящих рубин.

После короткой процедуры знакомства Агнесса сразу приступила к делу, что, как видела Лера, понравилось Марку. Как минимум, он еще успевал за дочерью в детский сад.

– Гадаю я в основном на Таро, – говорила Агнесса, выкладывая на стол колоду больших карт. – Иногда, больше для развлечения, могу на кофейной гуще или чаинках. Увлекаюсь хиромантией.

– И швец, и жнец, и на дуде игрец, – не удержался от едкого комментария Марк.

Агнесса бросила на него странный взгляд.

– Дайте мне вашу руку, – попросила она.

Марк пожал плечами и протянул ей правую ладонь. Агнесса долго всматривалась в нее, водила по линиям указательным пальцем, а затем снова подняла взгляд на Марка.

– Какой вы интересный человек! Принадлежите к тому редкому виду, кому подвластно самому менять свою жизнь. Не часто таких встретишь.

Лера думала, что Марку это польстит, но он лишь насмешливо улыбнулся.

– То есть мою судьбу вы предсказать не сможете?

– Смогу, – ничуть не смутилась Агнесса. – Но вы, предупрежденный о некоторых деталях, сможете ее изменить и решите, что я наврала. Даже забавно: сам медиум, а такой скептик. Зато я точно могу сказать, что ваша линия жизни уже прерывалась два раза, один из которых вы сделали добровольно. Хотя, – она снова уставилась на линии его ладони, – это не попытка суицида. Тогда что же?

– Этого я вам не скажу.

Марк выдернул ладонь из ее руки и кивнул на колоду.

– С хиромантией все понятно, давайте посмотрим на Таро.

Агнесса послушно разложила карты. Лера, сколько ни наблюдала когда-то за работой Ксении, так и не научилась разбираться в Таро. Марк, насколько она знала, вообще этой темой не интересовался, а потому ни один из них не понимал значения карт, которые раскладывала гадалка. Она тоже делала это молча, и прошло довольно много времени, прежде чем она наконец посмотрела на Марка. Видимо, ее задевал его показной скепсис, потому что, как секунду спустя поняла Лера, расклад она делала именно на него.

– У вас соперник на пути, – едва сдерживая довольную ухмылку, заявила Агнесса.

– Соперник? – Марк приподнял бровь. – Внезапно. В работе или личной жизни?

– В личной жизни. В работе-то у вас их куча, этим вас не удивишь.

– И что же это за соперник?

– Если вы думаете, что я назову вам имя, то вы ошибаетесь, – хмыкнула она. – Но соперник сильный. Очень большая вероятность, что он разрушит вашу жизнь.

Лера едва не застонала вслух. А ведь так все хорошо начиналось! Но нагадать Марку соперника в личной жизни – полная глупость. Лера очень хорошо знала Риту, жену Марка. Слишком правильная и честная, она даже если вдруг и влюбится в кого-то другого, никогда не уйдет и не изменит, в этом Лера не сомневалась. Будет в одиночку страдать, как та самая пушкинская Татьяна: «Но я другому отдана и буду век ему верна». А уж чтобы соперник разрушил их семейную жизнь и вовсе невозможно. В таком случае, скорее, соперница…

– Вы же сами сказали, что я могу изменить свою судьбу, разве нет? – напомнил Марк.

Агнесса едва заметно улыбнулась.

– Вы – да. А вот ваша жена – нет.

Лера видела, что Марк наконец проникся предсказанием. Он никак не показал этого внешне, но она знала эти чуть

прищуренные карие глаза, которые в такие моменты становились почти черными, что на фоне светлых бровей и ресниц смотрелось необычно и в какой-то степени зловеще.

– А что насчет неличной жизни? – поинтересовался Марк.

Агнесса несколько долгих секунд разглядывала его лицо, словно искала на нем что-то, а затем вернулась к колоде и вытащила еще несколько карт.

– Я вижу разрушение. Как в творчестве, так и в магии. Смерть бродит где-то рядом.

Лера снова едва сдержала шумный вздох. Смерть действительно все время была рядом, но не потому что кому-то из них она угрожала, а потому что она была дальней родственницей Риты и надеялась рано или поздно передать свое тяжелое ремесло дочери Марка и Риты. Они никогда не обсуждали эту тему с Лерой, но по обрывкам фраз она догадывалась, что история, начавшаяся полтора года назад, так и не была закончена. Смерть, или Лиза, как ее звали при жизни, не оставила Гретхен в покое, продолжала ходить к ней в гости, пользуясь тем, что даже медиум Марк не мог ее видеть.

С другой стороны, Агнесса могла не так понять, что именно видит, но ведь смерть она увидела! Значит, не так уж и безнадежна.

– Еще вас ждут проблемы с законом, – продолжила гадалка. – И вот здесь у вас будут либо очень большие проблемы, либо вы чудом сможете их избежать. Но вариант избежать есть.

Теперь Лера насторожилась. Проблем с законом ей и не хватает! Только-только вылезла из одних, так опять?

– Подробнее можете? – тоже заинтересовался Марк.

Глава 2

– Ох, Маргариточка Санна, намучаемся мы с вами сегодня, – вздохнула медсестра Катя, складывая в сумку аппарат для измерения давления.

Рита улыбнулась в ответ, молчаливо признавая ее правоту. Дежурить на ночь они с Катей оставались вдвоем, и ночь обещала быть тяжелой. Около недели назад на город спустилась внезапная жара, дождей не было, а потому все пенсионеры, имеющие огороды и дачи, бросились спасать урожай. Целыми днями они таскали воду и поливали овощи, а к вечеру сваливались в лучшем случае с гипертоническим кризом, а то и вовсе с инсультом. Отделение неврологии, где трудилась Рита, было уже переполнено, а «скорые» продолжали привозить больных. Дежурный день в больнице всегда был адом.

– Справимся как-нибудь, – постаралась приободрить волнующуюся медсестру Рита, когда они уже вышли из палаты. – Вы, главное, за Семеновым приглядывайте. – Она кивнула в сторону соседних дверей, за которыми лежал тот самый Семенов. Вздорный старикашка, любящий ругаться по каждому поводу, а потому постоянно находящийся в состоянии возбуждения, что плохо сказывалось на его давлении.

– За ним приглянешь, – проворчала Катя, направляясь в сестринскую и все еще что-то бормоча себе под нос.

Рита тоже зашла в ординаторскую. Часы показывали почти шесть, дневная смена врачей разошлась по домам. В ординаторской было тихо, но очень светло. Окна выходили на запад, и солнечные лучи как раз освещали комнату. Впрочем, в разгаре белые ночи, если не набегут тучи, то и ночью будет светло. Рита и ждала дождя, о котором с утра твердили по радио, и боялась его. С одной стороны, влага хоть немного остудит раскаленный город, в котором уже почти нечем дышать, с другой – перепад атмосферного давления добьет пациентов отделения. Они с Катей к утру с ног валиться будут.

Щелкнув кнопкой чайника, чтобы сделать чашку растворимого кофе, Рита села за стол и подвинула к себе большую стопку историй болезней, которые необходимо было заполнить. Она так увлеклась этим занятием, что не среагировала даже на закипевшую воду. Потом согреет еще раз. Отвлек ее только звонок телефона. Звук на нем был выключен, поэтому телефон под мерное жужжание вибровызова медленно пополз по столу, желая привлечь внимание хозяйки.

Отвлекшись от бесконечной врачебной писанины, Рита бросила взгляд на дисплей и тут же выпрямилась, торопливо потянувшись к телефону. Звонила Нина Васильевна, воспитательница Сони. Такие звонки Риту всегда пугали, ведь воспитатель не станет звонить родителям по пустякам. Так обычно и случалось: ей звонили, когда Соня резко затемпературила (как потом выяснилось, подхватила ангину), когда упала на площадке и расшибла лоб. И вот теперь снова.

Поднимая трубку, она взглянула на часы: те показывали десять минут седьмого. Почему звонит воспитатель? Разве Марк еще не забрал Соню? Он же сегодня работает в салоне до четырех, уже сто раз должен был успеть в садик. Даже если какой-нибудь клиент задержался, то не на два часа. Марк умел выпроваживать таких товарищей.

– Слушаю вас, Нина Васильевна, – сказала она, стараясь не выдать дрожь в голосе. Еще ведь ничего не произошло, чего волноваться?

Иногда Рита чувствовала себя наседкой, да и Марк частенько намекал, что она слишком уж опекает Соню, но Рита ничего не могла с собой поделать. Возможно, если бы девочка родилась самым обычным ребенком, она вела бы себя подругому. Внутренний голос подсказывал, что это не так, но Рита оправдывала свою гиперопеку именно необычностью их дочери.

– Маргарита Александровна, хочу поинтересоваться, когда вы планируете забрать Софию? – строгим голосом спросила Нина Васильевна. Рита почему-то всегда перед ней чувствовала себя нашкодившей первоклашкой. Появилось это чувство и сейчас.

– В каком смысле – когда? – не поняла она. – Разве ее не забрали? Мой муж уже должен был сделать это.

– Нет, ее никто не забрал. Всех детей, как и полагается, разобрали до шести вечера, а ваша дочь все еще в группе. Мне нужно уходить, но не могу же я оставить ее с охранни-

ком, это будет стресс для ребенка!

Рита прикрыла глаза и медленно выдохнула, лихорадочно соображая, что делать.

– Я сейчас позвоню мужу и все выясню, – наконец пообещала она. – Возможно, он уже как раз подъезжает. Я на работе, не могу ее забрать.

Нина Васильевна что-то недовольно фыркнула, но выбора у нее не было. Рита хорошо знала женщину: ребенка с охранником она действительно не оставит. Пожилая воспитательница не сильно жаловала родителей, считая их самих детьми неразумными, но к малышам всегда относилась с теплотой и заботой.

Сбросив вызов, Рита торопливо вызвала из памяти телефона номер Марка и набрала его. Долгая тишина в трубке сменилась знакомым проигрышем, а затем и словами робота, утверждавшего, что «абонент временно недоступен», и вместе с ним сменили друг друга эмоции в Ритиной душе. Сначала она искренне злилась на мужа, а теперь начала волноваться.

У Марка сегодня был «магический день», как он сам называл те дни, когда они с Лерой принимали желающих пообщаться с призраками, но они редко задерживались дольше четырех часов. Рите не нравилась эта его работа, но полтора года назад она сама дала согласие на открытие салона, пообещала себе принимать мужа таким, какой он есть, и тщательно придерживалась этого обещания. В конце концов, каж-

дый имеет право заниматься тем, чем ему хочется. Нравится Марку писать картины и общаться с призраками – какое право она имеет запрещать? Однажды она уже пробовала перекроить его под свои желания, и это едва не закончилось катастрофой их семейной жизни.

Но про дочь он еще никогда не забывал, часто в «немагические» дни забирая ее раньше шести часов, если пропадало вдохновение и работа по написанию картин не клеилась. Ему тогда надо было передохнуть, и прогулки с Соней на мороженое или в парк аттракционов прекрасно этому способствовали. Чем он мог так увлечься, что забыл про время? Или же что-то случилось?

После третьего сообщения о недоступности абонента Рита поняла, что нужно думать другой вариант. Где бы ни был Марк, Соню он не заберет. Уйти с работы тоже невозможно. Не может она бросить отделение на одну только медсестру. Даже если быстро съездить на такси и обратно в детский сад, это займет никак не меньше часа. За это время может произойти что угодно.

Еще год назад такой проблемы не стояло бы. За Соней всегда могла сходить бабушка. И хоть после своего инфаркта она толком не оправилась, по настоянию Риты и Марка продала дачу, присмотреть за девочкой все еще могла. Но бабушка умерла девять месяцев назад.

Каждый раз, вспоминая об этом, Рита не могла сдержать слез, накатили они и сейчас. Ее родители погибли, когда ей

было шесть. Бабушка сразу оформила опеку, и Рита ни единого дня не провела в приюте. Бабушка вырастила ее, выучила, и даже выйдя замуж, Рита продолжала жить вместе с ней. Эти девять месяцев казались пустыми без нее, хоть теперь у Риты и были муж и маленькая дочь.

Силой заставляя себя не разреветься, пока не придуман выход из ситуации, Рита продолжала перебирать варианты. Родители Марка где-то на отдыхе, вернутся только завтра. У сестры, насколько она помнила, на сегодняшний вечер назначен спектакль. И все же следовало позвонить Анне, вдруг она свободна? Анна всегда была весьма посредственной балериной, а сейчас, когда ее возраст уже приближался к тридцати, ее и вовсе ставили не на все спектакли. Зачастую она была просто на подхвате. Однако и ее мобильный молчал. Видимо, сегодня она все-таки плясала на сцене.

Помощь пришла, откуда не ждали.

Рита все еще перебирала номера телефонов немногочисленных подруг, размышляя, кого может напрячь подобной просьбой, когда дверь в ординаторскую открылась, и в нее вошел Даниил Сергеевич Смехов – новый врач, который работал в их отделении всего несколько недель. К Ритиному удивлению, на нем все еще был светло-голубой медицинский костюм, а в руках он держал пухлую историю болезни.

– Данил? – спросила она, торопливо вытирая лицо, чтобы он не заметил ее слез. – Ты еще не ушел?

– Пришлось немного задержаться, Рощин опять нестаби-

лен, – Данил продемонстрировал ей папку, которую держал в руках. – Не мог повесить его на тебя, пока не приведу в порядок. – Он подошел ближе, положил папку на второй стол и внимательно посмотрел на Риту. – А у тебя что случилось? По какому поводу слезы?

Все-таки заметил. Рита снова вытерла лицо, стараясь смахнуть с уголков глаз непрошенные капли.

– Да так, небольшие проблемы.

Данил взял стул, подвинул его к Ритиному столу и сел напротив.

– Рассказывай.

– Это не по работе.

– Все равно рассказывай. Вдруг я смогу помочь?

– Да просто позвонили из детского сада, – призналась Рита. – Муж должен был забрать дочку еще в шесть, и не пришел. На звонки не отвечает.

– Может быть, заработался? Говорят, когда творческих личностей посещает муза, они забывают о времени, – улыбнулся Данил.

О том, что муж Маргариты Гронской – известный художник, конечно же, знало все отделение. И Рита трусливо опасалась, что однажды они узнают, что он еще и известный медиум. Не то чтобы она стеснялась дара Марка, уж точно не ей стесняться подобных вещей, но все равно не хотела, чтобы коллеги знали. Косых взглядов, а то и откровенных насмешек, тогда не избежать. Поэтому и сейчас не стала расска-

зывать Данилу, что работал Марк сегодня не в мастерской. В конце концов, это ведь не имеет значения.

– Может быть, – согласила она. – Но мне теперь что делать? Я не могу бросить отделение даже чтобы просто съездить за ней и привезти сюда. Сам знаешь, какая у нас здесь сегодня обстановка.

Данил откинулся на спинку стула и улыбнулся шире.

– Ну вот, а не хотела рассказывать. Я же говорил, что могу помочь. – Поймав на себе Ритин взгляд, полный надежды, он не стал ее разочаровывать. – Езжай, я за тебя подежурю.

Отказываться было бы крайне глупо, поэтому Рита радостно вскочила из-за стола и принялась расстегивать халат. По случаю жары она не носила медицинский костюм, надевала халат прямо на легкий сарафан, а потому переодевание не заняло много времени.

– Спасибо огромное! – от души поблагодарила она, вешая халат в шкаф. – Я постараюсь за час справиться. Полтора – максимум.

Данил поднялся со стула и подошел к ней.

– С ума сошла? Зачем ты будешь тащить ребенка в больницу и заставлять маленькую девочку спать на неудобном диване? Езжай с ней домой, я же сказал, что подежурю за тебя. Всю ночь.

Рита закрыла дверцу шкафа и повернулась к коллеге. Разум твердил, что Данил прав, нечего Соне спать в ординаторской, если она может сделать это дома, но чувство долга не

позволяло повесить свое дежурство на другого. Данил, казалось, разглядел в ней эту борьбу.

– Мне не сложно, честно, – заверил он, легонько коснувшись ее плеча. – Меня дома никто не ждет, а диван там такой же неудобный, как и здесь.

– Хорошо, – наконец согласилась Рита. – Когда у тебя дежурство? Я отработаю.

– Глупости! Не нужно за меня работать, я и за себя тоже поработаю. Но если тебе так не хочется оставаться должной, можешь просто как-нибудь поужинать со мной, и мы в расчете.

Только сейчас Рита заметила его ладонь, аккуратно поглаживающую ее плечо, и смутилась. Данил был молод, примерно ее возраста, и очень недурен собой: высокий, широкоплечий, с копной черных как вороново крыло волос и такими же черными выразительными глазами. Всегда аккуратен и гладко выбрит, неизменно галантен со всем женским персоналом. И – самое главное – без обручального кольца на пальце. И медсестры, и молодые женщины-врачи даже из других отделений строили ему глазки и обсуждали за спиной. Обсуждения эти перемежались романтическими вздохами и мечтами о том, что они сделают, если удастся зазвать его на свидание. Он умело раздавал комплименты, но никому не оказывал особенных знаков внимания. Неужели Рита тоже дала ему повод думать, что заинтересована в нем?

– Я замужем, – напомнила она.

Данил непонимающе нахмурился, затем взглянул на свою руку, все еще лежащую на ее обнаженном плече, и тут же отдернул ее. На его лице растерянность сменилась испугом.

– Прости, я не то имел в виду! – виновато покачал головой он, делая шаг назад, чтобы увеличить между ними расстояние. – Вовсе не то, что тебе показалось. Просто я недавно в вашем городе, знакомых и друзей нет, все родственники очень далеко, а есть одному порой так скучно. Не подумал, как это прозвучало. Конечно же, у меня не было намерений приглашать на свидание замужнюю женщину. Еще раз прости.

Теперь непонятную вину почувствовала и Рита, хотя откуда взялось это чувство, она не представляла.

– Может быть, просто пообедаем вместе? – предложила она. – Как-нибудь на работе сходим в кафе на первом этаже.

Данил снова посмотрел на нее и улыбнулся.

– Идет! Совместный обед будет выглядеть вполне невинно, не даст повода для сплетен, и ты перестанешь чувствовать себя должной.

Договорившись таким образом, Рита еще раз поблагодарила его за помощь и выпорхнула из ординаторской. Странно, даже злость на Марка немного притупилась.

* * *

Нина Васильевна даже не пыталась скрыть своего раздра-

жения. Обычно хоть и строгая, но вежливая и учтивая, сегодня она выглядела откровенно злой. Рита знала, что никто из воспитателей никогда не сидит в саду до семи вечера, как полагается, уходят сразу после того, как родители забирают последнего ребенка, а сегодня ей пришлось задержаться почти до конца официального рабочего дня, потому что только к этому времени Рита явилась за Соней.

Рита чувствовала себя отвратительно. Она терпеть не могла опозданий и невыполненных обещаний. И хоть в сегодняшнем происшествии не было ее вины, все равно чувствовала себя виноватой. Воспитательнице плевать, кто там должен был забрать ребенка, это личное дело его родителей. Успокаивало только, что Соня не выглядела обиженной, расстроенной или испуганной. Она спокойно рисовала за столом, когда раскрасневшаяся и растрепанная Рита ворвалась в группу, а затем так же спокойно сложила альбом и карандаши в ящик и направилась в раздевалку, чтобы сменить обувь.

Впрочем, Соню вообще было сложно вывести из себя. Едва только избавившись от пеленок, она практически перестала плакать и закатывать истерики, позволяя себе подобное поведение в крайних случаях. Возможно, она пошла характером в невозмутимого деда, отца Марка, возможно, так на нее действовал ее собственный дар. Когда ты видишь то, что недоступно не только взрослым, но и вообще другим людям, разве можно оставаться обычным ребенком?

Соня с самого рождения не издавала никаких звуков. Ри-

та затаскала ее по всем знакомым и незнакомым врачам и ученым, и лишь полтора года назад нашла причину ее молчания. Правда, причина эта оказалась настолько пугающей, что только добавила волнения. Ей, не Марку. Тот, наоборот, узнав об особенностях их ребенка, которого он всегда называл Гретхен, а не Соня, успокоился, что порой бесило Риту. Ну да, их дочь всего-то видит призраков и саму Смерть, ну да, у нее есть все шансы однажды самой стать Смертью и переводить души умерших людей с этого света на тот, подумаешь! Что тут такого на самом деле?

Детский сад находился не так уж далеко от дома, обычно Рита предпочитала проходить это расстояние пешком, но сегодня над городом уже сгустились обещанные синоптиками тучи, с неба накрапывал мелкий дождь, грозящий вот-вот перейти в настоящий летний ливень, а потому она решила проехать две остановки на автобусе. Соня молча кивнула в ответ на это предложение, спросив только, где папа. Даже не имея возможности говорить и еще не зная всех букв, она уже неплохо научилась общаться с миром. По крайней мере, и родители, и друзья в саду и многочисленных кружках, которые она посещала, прекрасно ее понимали.

– Хотела бы я знать, где твой отец, – пробурчала себе под нос Рита, но вслух сказала, конечно же, другое: – Он сегодня занят, но ты же не против моей компании, не так ли?

Соня кивнула, но по ее глазам Рита видела, что она предпочла бы Марка. Вероятно, тот ей пообещал куда-то отвести

после сада или угостить чем-то, и благополучно про это забыл. Мало того, что подвел ее, так еще и ребенка обманул! Рита еще несколько раз набирала его номер, но он стабильно оказывался недоступен. Наверное, села батарейка. По крайней мере, ей хотелось так думать. Иначе Марк просто-напросто выключил телефон, а это и вовсе было последним свинством.

Внутренний голос нашептывал Рите, что с ним могло что-то случиться, но она до конца в это не верила. Просто чем-то увлекся, как всегда. Это же Марк. Она даже не удивится, если окажется, что после салона он поехал в мастерскую и сейчас вдохновленно пишет картины. Конечно же, это было преувеличением, он никогда так не делал, но Рите в данный момент проще было думать так, чем волноваться еще и за него.

Автобуса долго не было, а с неба лил уже полноценный дождь, поэтому под крышей остановки столпилось приличное количество народа. Рита отдала последние наличные деньги на такси, когда ехала в детский сад, искать банкомат под дождем казалось нелепым, поэтому она терпеливо ждала автобус, крепче сжимая теплую ладошку Сони и все же немного нервничая из-за Марка.

Одному из ожидающих, нетрезвому мужчине лет пятидесяти, вздумалось закурить, двух женщин это крайне возмутило, началась перепалка, в которую вскоре так или иначе оказались втянуты почти все, кто стоял на остановке. Рита не

хотела вмешиваться, а заодно переживала, как бы не началась потасовка, поскольку двое молодых парней явно желали показать молодецкую удаль, защищая честь женщин, поэтому вместе с Соней отошла в самый конец остановки. Под эту часть крыши залетали косые струи дождя, но она готова была потерпеть неудобства, закрывая спиной Соню. Это и спасло обеих.

Никто на остановке, в том числе и сама Рита, настороженно наблюдавшая за ссорой, не заметил поскользнувшийся на мокрой дороге автомобиль. Легкую машинку, несшуюся на бешеной скорости, чтобы успеть на мигающий зеленый сигнал светофора, замотало в разные стороны, кидая по дороге как футбольный мячик. Лишь когда раздался визг тормозов других машин, не желающих попасть под потерявший управление автомобиль, Рита обернулась на звук и увидела, что машина несется прямо на остановку.

Она не знала, откуда у нее взялись силы и как хватило времени. Наклонилась, подхватила Соню под мышки, сделала шаг назад, покидая пределы стеклянной будки, и швырнула девочку в сторону. Сама отскочить уже не успела.

Машина влетела в остановку, подминая под себя растерявшихся людей. Послышались крики, звон разбитого стекла. Что-то большое и тяжелое упало на Риту сверху, придавив ее к мокрому асфальту, сверху посыпались острые осколки. На какое-то время она перестала слышать звуки, а глаза закрыло темной пеленой.

Она не потеряла сознание, чувствовала твердый асфальт под спиной и чье-то тело сверху, но не могла пошевелиться. Лишь несколько долгих секунд спустя снова начала слышать и, приложив все силы, сбросила с себя человека. Торопливо села, оглядываясь по сторонам.

Вокруг нее лежали разной степени переломанности люди, которые еще совсем недавно ссорились из-за сигареты, но теперь, оказавшись в одной беде, испуганно смотрели друг на друга. Кто-то стряхивал с себя осколки битого стекла, кто-то вытирал кровь с лица. Женщины, которым не понравился курящий мужчина, громко рыдали. Сам же мужчина ошалело крутил вокруг разбитой головой, как будто не понимал, где он, а через разорванные джинсы наружу торчал осколок кости. Наверное, из-за шока он еще не чувствовал боли. Разбитая машина стояла здесь же, упершись мордой в остатки остановки. Шокированный водитель непонимающе озирался по сторонам, не торопясь покидать салон. Со всех сторон к ним бежали прохожие, кто-то по телефону уже вызывал «скорую помощь».

Но не эти люди волновали Риту больше всего. Лишь мельком взглянув на них, она повернулась в ту сторону, куда бросила Соню. Девочка сидела на асфальте и, на первый взгляд, не пострадала. Легкое платьице было мокрым, но чистым, светлые волосы немного растрепались, но следов крови на них Рита не видела. Не теряя времени на то, чтобы встать, она на четвереньках подползла к дочери и быстро осмотрела.

– Милая, ты как?

Соня подняла на нее огромные испуганные глаза и кивнула, показывая, что с ней все в порядке. Лишь когда Рита отняла ее ладошку от колена, увидела, что то разбито. Быстро сбросив с плеч рюкзак, она вытряхнула из него косметичку, вытащила ватный диск и перекись водорода и щедро плеснула на рану. Умная Сонечка даже не поморщилась. Умело прижала диск к ранке, а затем указала рукой на остановку. Рита обернулась, понимая, на что намекает дочь. Она врач, должна помочь пострадавшим, пока не приехала «скорая».

Из цветочного магазина как раз выбежала продавщица, неся в руках большой кусок прозрачной пленки, и набросила его на Соню, чтобы защитить от дождя.

– Присмотрите за ней, – попросила Рита, поднимаясь на ноги.

– Конечно, все будет хорошо, – заверила ее продавщица. – Пойдем со мной, детка, я покажу тебе красивые цветочки.

Соня позволила женщине поднять себя на руки и унести в магазин, а Рита направилась к остановке. Сильно пострадавших на первый взгляд было двое: мужчина с переломом ноги и молодой парень без сознания.

Быстро показав одному из водителей остановившихся машин, как следует перетянуть мужчине ногу, чтобы остановить кровотечение, она направилась к парню. Рита всегда носила в косметичке самые необходимые медикаменты, которые могли понадобиться на прогулке с ребенком, а пото-

му нашатырный спирт в ней тоже был. Втянув носом резкий аромат, парень дернулся и зашевелился.

– Тихо! – велела Рита. – Не дергайся, мне надо убедиться, что ничего важного не задето.

Парень смотрел на нее ошалелыми глазами, явно не понимая, что случилось, и порывался встать. Благо его друг не позволил этого, удержав пострадавшего за плечи.

– Тихо, Леха! – рявкнул он.

Друга Леха послушался.

Никаких серьезных кровотечений Рита не обнаружила, как минимум, внешних, а вот за внутренние ручаться не могла: уж слишком твердым ей показался живот молодого человека.

– Найдите гипотермический пакет, – велела она толпе зевак, окруживших остановку. – У кого-нибудь в машине должна быть нормальная аптечка!

Два человека отделились от толпы, но большая часть жаждущих поглазеть осталась стоять, как будто даже не услышав просьбы. Людей почему-то всегда привлекали тяжелые происшествия. И чем больше в них крови, тем сложнее заставить кого-то действовать, а не глазеть или, чего доброго, снимать на телефон. Вот и сейчас у парочки девчушек школьного возраста Рита уже приметила в руках мобильники.

– Эй, врач! Кто здесь врач?! – раздался истерический вопль откуда-то из-за машины, влетевшей в остановку.

Рита мгновенно вскинула голову.

– Когда принесут лед, положи ему на живот, – велела Рита другу пострадавшего парня, поднимаясь на ноги, чтобы бежать на зов. – И не давай ему вставать, понял?

– Понял, – кивнул перепуганный молодой человек.

Тот, кто звал врача, нашелся позади разбитой машины. Мужчина лет тридцати сидел на асфальте рядом с молоденькой девушкой, очевидно, первой попавшей под несущийся на остановку автомобиль. Девушка лежала на асфальте с закрытыми глазами и не шевелилась. Из-под ее головы растекалась огромная ярко-красная лужа, окрашивающая мышиного цвета волосы в бордовый оттенок. Очевидно, машина подмяла ее под себя и переехала, не отбросила в сторону, как остальных людей. Девушка находилась в критическом состоянии, это было видно невооруженным взглядом, но Рита все поняла еще до того, как внимательно осмотрела ее: по венам заструились серебристые нити, скапливаясь на кончиках пальцев, готовые мгновенно сорваться вниз, в другое тело, если только Рита позволит. Рита вот уже девять месяцев такого не позволяла, поэтому просто присела рядом, отчаянно пытаясь помощь девушке обычными средствами.

– Как ее зовут? – зачем-то спросила она. Наверное, просто хотела отвлечь мужчину, не дать ему понять, что произошло с его подругой, а заодно отвлечься самой, не поддаться соблазну серебристых нитей.

– Я не знаю, – замотал головой тот. – Я просто мимо проезжал, когда все произошло. Остановился, чтобы помочь.

Смотрю, все там, – он кивнул в сторону остановки, где лежали и сидели пострадавшие и толпились зеваки. – А она здесь одна. Она умерла, да?

– Пока еще нет.

Рита села на асфальт, тяжело выдохнув. Средств, которые были в ее косметичке и аптечках проезжавших мимо автомобилей, явно недостаточно, чтобы помочь пострадавшей. Оставалось надеяться, что «скорая» приедет быстро. Адреналин, заставлявший ее держать себя в руках и помогать пострадавшим, внезапно кончился. Она вдруг осознала, что и сама могла быть на месте этой девушки. Она или Соня.

Руки задрожали, а в уголках глаз появились непрошенные слезы. Со страшной силой захотелось обнять Соню, убедиться, что с ней все хорошо и, кроме разбитой коленки, ее ничего не беспокоит. Глаза зацепились за необычную татуировку на лодыжке пострадавшей девушки: большой черный ворон зорко поглядывал по сторонам, обнимая крыльями ногу. Разглядывание необычного образа позволило Рите продержаться до первых сирен помощи.

* * *

Практически вместе со «скорой помощью» приехала и полиция, и Рита поняла, что домой попадет нескоро. Однако, к ее удивлению, надолго их не задержали. То ли следователь – еще довольно молодой мужчина, у которого вполне

могут быть дети возраста Сони – не хотел задерживать ребенка, которому и так досталось, то ли такова была процедура, но, быстро спросив у Риты, что она видела, и записав ее контактные данные, он отпустил их домой. От врачебной помощи она отказалась, заверив коллег со «скорой», что сама невролог и признаки сотрясения мозга прекрасно знает. Попросила лишь убедиться, что все в порядке с Соней, однако та утверждала, что ударилась только коленкой.

Мужчина, который позвал ее к сильно пострадавшей девушке, предложил подвезти домой, и Рита не стала отказываться. Уже оказавшись в своем дворе, она увидела машину Марка, припаркованную на привычном месте. Значит, с ним все в порядке, он просто забыл про ребенка! Злость вспыхнула с такой страшной силой, что Рита даже зубами скрипнула, пытаясь ее удержать. Хотелось с порога ударить его или хотя бы заорать, но она боялась испугать Соню, той и так досталось.

Звонить в дверь не стала. Открыла своим ключом, молча скинула легкие туфли и велела Соне идти в ванную мыть руки. Рита даже шевелиться лишний раз боялась, казалось, от любого неверного движения злость перельется через край, и она сорвется. Из кухни в этот момент показался Марк.

– Где вы были?

Вопрос прозвучал взволнованно, но Рита, пытающаяся сдержать себя, не уловила такие тонкие интонации. Напротив, показалось, что Марк предъявляет ей претензии.

– Странно, мне казалось, что это я у тебя должна спросить, – сквозь зубы процедила она. – Разве не ты должен был забрать нашу дочь из сада?

Если бы Рита смотрела на Марка, увидела бы виноватое выражение на его лице, но едва ли оно могло смягчить тот ураган в душе, который скрывался за этой неестественно-спокойной маской. Какое ей дело до того, что он чувствует, если из-за него они с Соней едва не погибли?

– Да, прости, я… – начал Марк, но Рита не слушала.

Повесила полотенце на крючок, до боли сжала кулаки, впившись ногтями в собственные ладони, и вслед за Соней прошла на кухню. Ей нужно покормить ребенка, остальное после. Марк, конечно же, направился следом. Марк никогда не понимал, когда лучше уйти и оставить ее в покое, всегда договаривал и доделывал до конца!

– Я немного задержался в салоне, но приехал в сад без четверти семь, – продолжал он. – Там уже никого не было, хотя рабочий день, между прочим, до семи.

– Ты же знаешь, что всех детей забирают до шести, – огрызнулась Рита.

– И что? Воспиталка все равно должна быть там до семи. Мало ли какие обстоятельства у родителей.

– Обстоятельства? – переспросила Рита, накладывая на тарелку ужин, который приготовила утром, и замечая, как дрожат руки. – Воспиталка должна учитывать, что ты не успел закончить вовремя общение с призраками?!

Злость наконец прорезалась в ее голосе, и Соня подняла голову, со страхом посмотрев на нее. Соня не боялась смерти, но страшно не любила, когда в ее присутствии кто-то ссорился. Рита захлопнула рот, однако крышку на кастрюлю надела слишком громко. Хотелось взять эту кастрюлю и швырнуть в стену, а потом затопать ногами и заорать. Наверное, в какой-то степени Марк прав: Нина Васильевна должна была сидеть с Соней до семи, не беспокоя родителей. Но от этой даже крошечной его правоты она злилась еще сильнее. Если бы он вовремя забрал Соню, они бы не оказались на той остановке, где едва не погибли. Рита только сейчас поняла, что движет ею не злость, а страх. Только сейчас она позволила себе наконец испугаться.

– Мог хотя бы позвонить, что опаздываешь, – заявила она. – Или не выключать телефон, когда звонила я!

– У меня батарейка села, – раздраженно заявил Марк, тоже начав злиться. На его взгляд он уже достаточно оправдывался в ситуации, в которой вовсе не был виноват. – А в доме как всегда отключили электричество.

– У тебя на все есть оправдания, – бросила Рита. – Если бы мы с Соней погибли, успокаивал бы себя этим!..

Она не договорила. Неприятное щекочущее чувство в носу заставило ее замолчать и быстро схватить со стола полотенце. Рита знала это чувство: опять из носа собралась идти кровь. Чтобы не пугать Соню, она проскользнула мимо Марка в ванную, прижимая к лицу полотенце.

Тот не сразу понял, что произошло, а когда понял, торопливо последовал за ней. Весь запал поругаться мгновенно испарился.

– Опять? – шепотом, с явной тревогой в голосе, спросил он, закрывая за собой дверь, чтобы нечаянно не вошла Соня и ничего не увидела.

Рита кивнула. Она включила воду, присела на край ванной и склонилась над раковиной, умывая лицо, но кровь никак не останавливалась, розовато-прозрачными каплями исчезая в сливе.

Эти странные носовые кровотечения начались у нее вскоре после смерти бабушки, хотя раньше Рита не помнила такого ни разу за всю жизнь. Тогда она решила, что это просто стресс, но время шло, а кровотечения периодически случались. Без видимой причины. Независимо от времени суток и от того, чем она занималась в тот момент. Большую часть этих случаев она скрывала ото всех, но даже тех, что видел Марк, ему хватало, чтобы начать волноваться.

Вот и сейчас он присел на край ванны рядом с ней, обнял одной рукой за плечи, второй убирая с лица волосы, чтобы они не намокли в воде.

– Может быть, уже все-таки пора пройти какое-то обследование? – мягко предложил он.

Рита криво усмехнулась.

– Кто бы говорил мне об обследовании, – проворчала она. – Тебя не заставить даже на реабилитацию ходить.

– Так ведь я бестолковый и безалаберный, а ты – другое дело.

Она не выдержала и улыбнулась.

– Я просто переволновалась.

– Из-за чего? Что случилось?

– Когда мы ждали автобус, в остановку врезалась машина. – Ладонь Марка сжала ее плечо, почти причиняя боль, и Рита почувствовала нечто вроде облегчения. Не то от понимания, что он волнуется за них, не то от осознания, что ничего страшного все же не случилось.

– Что?

– Водитель поскользнулся на мокрой дороге. Я успела оттолкнуть Соню, сама тоже не пострадала. Но помогала раненым до приезда «скорой».

Марк немного отстранился и заглянул ей в лицо.

– Помогала как врач или…

Рита отрицательно качнула головой.

– Только как врач. Ты же знаешь, я больше не пользуюсь даром. Одна девушка сильно пострадала, не уверена, что ее довезут до больницы, но я все равно сдержалась.

Марк еще несколько мгновений рассматривал ее лицо, а затем прижал к себе, на этот раз молчаливо поддерживая и одобряя.

Рита всегда знала, что она особенная. Еще с тех давних времен, когда в шесть лет спасла бабушку. Ее родители погибли в том ДТП, бабушка тоже умерла, но лишь до нее ма-

ленькая Рита смогла дотянуться и вдохнуть жизнь. Спустя много лет она точно так же спасла разбившегося на машине Марка. Бабушка ничего ей не рассказывала, всеми способами избегая разговоров на эту тему. Лишь много позже Рита узнала, что дар целительства передается в ее семье из поколения в поколение с незначительными изменениями. Лечить болезни могут все, но у каждого есть что-то еще: бабушка, например, могла видеть болезни до того, как о них узнает сам больной. Рита же умела не только лечить, но и возвращать из мертвых.

Однако Вселенная никогда не разбрасывается своими дарами, всегда требуя что-то взамен. Равновесие – вот главный ее принцип. Исцеляя людей, целитель отдает часть своего здоровья. Чтобы излечить себя самого, он должен взять силу у кого-то другого. Эту тайну бабушка хранила почти до самой своей смерти. И Рита поклялась ей, что никогда ни у кого не заберет здоровье. А значит, чтобы выжить самой, она и другим не должна помогать, не тратить себя. Бабушка взяла с нее это обещание, и Рита не помогла даже ей самой, когда она умирала.

Глава 3

Сегодня был тот редкий день, когда Никита Петров не опоздал на работу, а пришел даже чуть раньше положенного. Причина была проста, точнее, их было три: он забыл ключи от дома, а мать придет с суток только утром, на улице шел дождь, мешающий праздношатанию, а стипендия закончилась еще на прошлой неделе, в кино и кафешку тоже не забредешь. Вот он сразу после лекций и отправился в больницу, где подрабатывал, как и большинство студентов медвузов. Только, в отличие от своих однокурсников, устроился Никита не в отделение, а в морг.

Очень часто будущие врачи подрабатывали медсестрами в ночную смену. А что? Лекции не пропускаешь, а если повезет, так еще и поспишь. Да и опыта какого-никакого наберешься, поймешь, как все устроено, изнутри. Никита вместе с закадычным другом тоже сначала пошел в кардиологию, но быстро сбежал оттуда, когда подвернулось тепленькое местечко в морге. В морге же как? Хоть всю ночь спи, никакого контроля. Максимум жмурика из отделения спустят, твое дело принять документы, бирку на палец повесить и преставившегося в холодильник запихнуть. Да и то, это бывает далеко не каждую ночь. А в отделении вечно авралы, особенно в кардиологии. То новенького привезли, то из стареньких кому-то плохо стало. Давление померяй, кардиограмму

сними, врача разбуди, выслушай от него всякого, потом укол поставь, таблетку дай, еще и бегай проверяй, помогло ли. Дежурные врачи косятся неодобрительно, если спишь. Сами дрыхнут, а ты сиди, будь добр, ничего, что они завтра домой пойдут, а ты на учебу. Никакого уважения к будущим коллегам! Поэтому Никите нравилось в морге.

Получив ЦУ от патологоанатома, Никита запер железную дверь, отделявшую прозекторскую от всей остальной больницы, разграничил мир живых с миром мертвых, и расслабленно выдохнул. Теперь он царь и бог в этом подземном царстве, сам Аид. Швырнул в сторону сумку с учебниками и включил портативную колонку. Тяжелый рок тут же наполнил большое помещение, отражаясь от ровных стен и разливаясь в воздухе. Пританцовывая и качая головой в такт музыке, Никита вытащил из рюкзака бумажный пакет из Макдоналдса, в который официанты сунули стаканчик с кофе и несколько любимых бургеров. Расположив все это на железной каталке, Никита подошел к холодильнику. Сегодня он собирался запостить бомбическую фотку в Инстаграм на зависть всем однокурсникам. Пусть посмотрят все эти скучные «медсестры» кардиологических отделений, что есть места, где работают настоящие мужики. Слушают металл и едят прямо над трупами.

На самом деле Никита никогда не ел в прозекторской – брезговал. С чаем и бутербродами уходил в небольшой кабинет патологоанатома, где висели халаты, стоял потрепан-

ный жизнью стол, колченогий стул и чайник. Здесь и ел. Но для антуража надо бы в самом эпицентре мертвого царства. Еще и холодильник приоткрыть, чтобы нога жмурика из него торчала.

Заглянув в несколько отделений, Никита наконец выбрал подходящую ногу. Явно женскую, с аккуратным педикюром и тонкой лодыжкой, которую черным плащом обвивали крылья огромного ворона, смотревшего вокруг хитрым глазом. Как будто прям в душу заглядывал. Никита даже залюбовался такой оригинальной татуировкой. Вытащил каталку полностью, желая взглянуть на девушку, и, на секунду замявшись, откинул простыню. Мало ли как умерла девчонка и что он там увидит?

Но нет, обнаженная девушка, лежащая перед ним, при жизни была писаной красавицей. Тонкое изящное тело, узкие бедра, высокая грудь. Смерть пока не испортила до конца черты лица, они казались нежными и прекрасными. Патологоанатом еще не делал вскрытия, а потому ничего не портило эту красоту. Только шикарные блондинистые волосы были чем-то выпачканы и от того слиплись. Никита потрогал волосы, и на перчатках остались темно-бордовые следы запекшейся крови. Стало даже интересно, что за девчонка. На вид она была немногим старше самого Никиты, года двадцать три – двадцать четыре, не больше.

Никита скинул перчатки, нашел документы на тело в седьмой камере и быстро пролистал. Информации было немно-

го, девчонка умерла не в больнице, а в карете «скорой помощи». Неизвестная, погибла от травм, полученных в ДТП. Эх, а вот в Америке даже неизвестным дают имена. Джон Доу и Джейн Доу. Тоже не фонтан, конечно, но все лучше, чем «неизвестный». Безлико как-то, несправедливо.

– Будешь Джейн, – повернувшись к каталке, сказал Никита.

Сделав несколько фотографий с разных ракурсов, Никита спрятал тело обратно в холодильник, тщательно вымыл руки, подхватил бургеры с уже холодным кофе и вернулся в свою комнатушку. Выбрав лучший снимок и снабдив соответствующими подписями, Никита загрузил его в соцсеть. Лайки посыпались почти сразу. Еще бы, это вам не скучные белые халатики однокурсниц! Это самый настоящий морг и самый настоящий труп! И Никита, спокойно пьющий среди мертвого царства кофе.

Еще какое-то время ушло на то, чтобы ответить на восторженные комментарии подписчиков, а затем он все-таки вытащил из сумки учебник по патологической анатомии. Завтра зачет, надо бы подготовиться. Не удержался, запостил и учебник с подписью «Изучаю патанатомию на практике!» Чтобы не следить за новыми комментариями и не отвлекаться на них, спрятал телефон в рюкзак и открыл учебник. Громкая музыка мешала читать, постоянно отвлекая, поэтому Никита выключил ее.

Сидеть в тишине в морге он не любил. Чуткий слух начи-

нал вылавливать малейшие шорохи, которых не должно быть в пустом помещении ночью, что отвлекало и мешало не хуже музыки, поэтому к обычным зачетам он тоже готовился под музыку, но патанатомия – другое дело. Этот замысловатый предмет и так в голове почти не откладывается, сколько ты его ни мучай, уж лучше в тишине.

Там, за дверью, в пустой прозекторской, трещали люминесцентные лампы, тихонько жужжал холодильник – звуки простые и знакомые; сердце понемногу успокоилось, и Никита с головой ушел в учебник.

Сколько прошло времени, он не знал, но резкий громкий звук заставил его вздрогнуть. Никита дернулся в кресле и выронил учебник.

– Тьфу ты! Задремал, – вслух выругался он, поднимая книгу.

Конечно же, задремал, вот и приснилось всякое. Никита снова уткнулся в учебник, однако мозг уже не был способен складывать буквы в слова. Он весь обратился в слух, и теперь ему казалось, что в прозекторской кто-то есть. Этого не могло быть, ведь он запер дверь на ключ, но в то же время он явно слышал шорохи. И не от ламп или холодильника.

– Так, ладно, я же не трус, – снова вслух сказал он. – Сейчас пойду и посмотрю, что там. Может, просто мышь. Больница старая, мало ли сколько их тут, этих хвостатых тварей.

Аккуратно приоткрыв дверь, Никита выглянул в тускло освещенную прозекторскую. На первый взгляд все здесь вы-

глядело спокойно: холодильники заперты, пустые столы и каталки стоят неподвижно, инструменты накрыты посеревшими от времени и частых стирок простынями. Даже лампы не моргают, как наверняка было бы в плохом ужастике, если бы вдруг Никита в нем очутился. Он решил обойти большой кабинет и заглянуть в каждую щель. Мыши, может, и нет, но что если в приоткрытое окно влетела птица?

Никита как раз выглядывал в темноту за окном, когда звук повторился. Теперь он был похож на стук по металлу и доносился откуда-то со стороны холодильников.

– Мамочки мои… – совсем по-девчачьи проскулил Никита, прижимаясь спиной к стене.

Может быть, уйти отсюда? По стеночке, по стеночке добраться до кабинета, схватить свои вещи – и только его и видели!

Нет, тут же одернул он себя. Он же мужик в конце концов! Даже если там оживший зомби, огреет его по голове – и все!

Никита подбежал к ближайшему столику, откинул простыню и схватил скальпель. Вот, это еще лучше! От скальпеля живым ни один мертвец не уйдет. Медленно приблизившись к холодильникам, Никита замер, прислушиваясь. Звук больше не повторялся, и он не знал, какой из холодильников проверять сначала. Крепче сжав скальпель, он наконец открыл первый. В нем оказалось пусто. Второй – тоже пусто. В третьем лежал труп из реанимации, и Никите понадобилось все его мужество, чтобы вытащить каталку и откинуть про-

стыню. Тучный мужик с огромными уродливыми разрезами на груди, грубо схваченными нитками, был совершенно точно мертв и не мог издавать никаких звуков.

Никита уже собрался задвинуть каталку обратно, как стук наконец повторился, да так громко и так близко, что студент подпрыгнул и со звоном уронил скальпель на пол. Торопливо подняв его и выставив перед собой, он снова повернулся к холодильникам. Теперь сомнения не было – стучали из того самого отсека, где лежит девчонка после ДТП. К стуку примешивались еще какие-то звуки, словно бы голоса.

Желание сбежать усилилось, но Никита все же подошел к холодильнику, быстро, одной рукой, отпер задвижку и распахнул дверцу, тут же отскочив в сторону.

Ноги шевелились!

НОГИ ШЕВЕЛИЛИСЬ!!!

Никита сам не понял, как оказался у противоположной стены. Держал скальпель перед собой и во все глаза смотрел на ворона на щиколотке, который завораживал его несколько часов назад.

– Эй, – послышался легкий шелест женского голоса в этой давящей тишине. – Кто-нибудь… помогите мне…

Если бы девчонка была зомби, она бы уже сползла с каталки и вцепилась Никите в глотку, это точно. А раз не может сама вылезти, значит, не зомби.

Тогда кто? Оживший мертвец? Может, она не умерла на самом деле, ее по ошибке в холодильник засунули? А она

там в себя пришла? Ей же вскрытие еще не делали…

Глубоко вдохнув, Никита снова приблизился к холодильнику и медленно вытащил каталку. Девчонка стянула с себя покрывало, но это было все, на что ее хватило. Она была очень слаба и сильно замерзла. Сероватая кожа покрылась инеем, губы дрожали. Она смотрела на Никиту каким-то абсолютно бессмысленным взглядом, но это было не равнодушие зомби, а, скорее, растерянность человека, который не понимает, что происходит. И который очень сильно устал.

– Где я? – прошептала девчонка.

Никита наконец опустил скальпель и выпрямился, только сейчас понимая, что все это время держал ноги полусогнутыми. Не то от ужаса, не то будучи готовым броситься вон в любое мгновение.

– В больнице, – выдавил он, чувствуя, как охрип голос. Почему-то говорить ей о том, что она в морге, показалось неправильным. И тем не менее он не выдержал: – Ты что, живая?

Аккуратные дуги бровей едва заметно приподнялись.

– Тебя привезли после ДТП, оформили как труп, – пояснил Никита.

Девушка прикрыла глаза. Ресницы дрожали, но иней на них начал таять, слезами стекая по щекам к вискам и смачивая волосы на них.

– Мне холодно… – сказала она.

Никита оглянулся в поисках какого-нибудь одеяла, но в

прозекторской, понятное дело, ничего не было. Тогда он стянул с себя халат и положил на каталку рядом с девушкой. Он не стесняясь разглядывал ее тело, когда думал, что она мертва, но теперь почему-то застеснялся. Пусть уж как-нибудь сама…

– Ты это… Оденься пока, – велел он. – А я позвоню в реанимацию. Тебя наверняка нужно подлечить, раз уж живая.

По лицу девчонки снова скользнуло непонимание, но Никита не собирался объяснять. Он пулей заскочил в кабинет, где совсем недавно страдал над патанатомией, запер дверь и с шумом выдохнул. Сейчас он позвонит в реанимацию, пусть спускаются и забирают ее. Зомби она или просто оживший труп, уже не его проблемы! Он свое дело сделал. И хорошо если не поседел в процессе.

Глава 4

Несмотря на все заверения, что до семи часов он успел бы за Гретхен в детский сад, а воспитательница не имела права уходить с работы раньше, и Рита зря подняла панику, Марк все равно чувствовал себя виноватым. Уже по крайней мере потому, что им обеим пришлось пережить аварию на остановке. Марк видел репортаж о случившемся по телевизору, представлял, как они испугались. Рита уж точно. Он сам испугался, пока смотрел, мог представить, каково было оказаться в эпицентре событий.

Гретхен то ли в силу возраста, то ли из-за своих особенностей к смерти относилась равнодушно. Чего еще ждать от девочки, которая видит не только призраков, но и саму Смерть? Марк знал, что та до сих пор приходит к их дочери. Гретхен это, конечно, всячески скрывала, знала, что родителям не нравится такое общение, но взрослый человек всегда понимает, когда четырехлетний ребенок лжет.

Саму Лизу-Смерть Марк не видел. Несмотря на собственные способности медиума, он мог видеть ее, только если она сама того захочет, а она не хотела. Последнее их общение дало понять, что ей в этой семье не рады, как бы необычно ни звучало подобное заявление. Можно подумать, в какой-то другой семье радуются смерти. Марк подозревал, что Лиза не оставила надежды однажды передать свою ношу Гретхен.

Пусть не сейчас, но хотя бы потом. Что такое два десятка лет для существа, которое может жить веками? Поэтому и приходила к девочке, приучала ее к себе, возможно, и к мыслям о будущей Смерти тоже. Ведь Гретхен не слышали только живые, с мертвыми она могла общаться.

Как бы то ни было, а все выходные Марк тщательно заглаживал вину. Сходил с Гретхен на ближайший рынок, приготовил ужин и даже пропылесосил в большой трехкомнатной квартире. Рита порывалась сделать это сама, но он не позволил, велев побольше лежать, хоть она и утверждала, что прекрасно себя чувствует. Он знал, насколько ревностно она относится к квартире и вещам в ней, даже ему с трудом доверяет уборку, но, видимо, действительно чувствовала себя не так хорошо, как утверждала.

Марк несколько раз предлагал ей нанять домработницу, которая приходила бы раз в неделю и помогала с уборкой, но Рите претила сама мысль, что кто-то чужой будет прикасаться к вещам Веры Никифоровны. Она до сих пор не разобрала бабушкины вещи, не освободила ее комнату. Они втроем ютились в одной спальне, в то время как вторая стояла пустой. Марк решил пока не настаивать и дать ей год. Он тоже любил старушку и искренне горевал о ее смерти, но нельзя превращать квартиру и жизнь в мавзолей. Через год Гретхен будет уже почти пять, ей не помешает своя комната. Да и в гостиной надо бы провести апгрейд: выбросить и старую стенку, и допотопный телевизор. А то какой смысл в самой

гостиной, если даже фильмы они смотрят в спальне, поскольку там на стене висит современная плазма, а лупатый ящик все время накрыт кружевной салфеткой. Марк подозревал, что борьба будет нелегкой, но заранее ничего не говорил. В глубине души он считал, что Рита и сама это понимает.

После выходных, отправив Риту на работу, он собирался отвезти Гретхен на занятия, а затем уехать в мастерскую, где его ждала начатая картина. По понедельникам Гретхен приводили в сад ближе к обеду, и делала это обычно сестра Марка, поскольку утром девочка занималась балетом неподалеку от театра, где трудилась Анна. К великому сожалению Марка, прекрасно рисующая Гретхен, явно пошедшая в него талантом, раз побывав на балете, что называется, пропала. Она упросила отдать ее в балетную школу и вот уже почти год исправно ее посещала, ни разу не попытавшись закатить истерику и никуда не пойти. Анна не переставала насмехаться над ним за это, но Марк терпел. Он всегда боролся за то, чтобы каждый человек выбирал себе занятия по душе, а потому не мог сейчас поступиться собственными принципами. Да и в художественный кружок Гретхен все еще ходила.

Он зашел за ней в комнату выяснить, собрана ли она и снова застал картину, которую не часто доводилось видеть: девочка сидела на кровати, уставившись на абсолютно пустой стул перед собой. Услышав звук скрипнувшей двери, Гретхен тут же соскользнула с кровати и сделала вид, что просто одевалась.

– Готова? – поинтересовался Марк.

Гретхен кивнула, подхватила с пола свой рюкзак и с невинным видом проследовала в коридор. Прежде чем пойти за ней, Марк не удержался, бросил взгляд на пустой стул.

– Могла бы иметь мужество показаться.

Он был почти уверен, что услышал сдавленное презрительное фырканье. Лиза была здесь, но показываться не собиралась.

Летом пробок обычно значительно меньше, чем в другое время года, поэтому они с Гретхен добрались до балетной школы даже раньше, чем рассчитывали. В раздевалке еще никого не было, а администратор только наводила порядок перед зеркалом, поэтому Марк терпеливо дождался, пока появится и преподаватель. Им неожиданно оказалась новая, незнакомая Марку девушка. Видимо, Гретхен ее тоже не знала, потому что сразу же вскочила с места, но тут же замерла, настороженно глядя на нее.

– Доброе утро! – поздоровалась девушка и, получив ответ только от Марка, улыбнулась Гретхен. – Не бойся меня, я добрая. К сожалению, Мария Николаевна сломала руку, поэтому временно ее буду заменять я. Меня зовут Светлана Аркадьевна.

Гретхен кивнула, но настороженности в ее взгляде не убавилось. И, естественно, она ничего не ответила.

– Она не говорит, – пояснил Марк, тоже не сдержав недовольство. Он почему-то терпеть не мог кому-то объяснять,

почему его дочь не разговаривает. К счастью, на этот раз не пришлось.

– А, София Гронская, – девушка улыбнулась уже ему. – Да, меня предупреждали, что она не разговаривает. Но, благо, мы и не в хоре, разговаривать нам нет нужды, правда, София? Пусть за нас все скажет танец. – Она подмигнула Гретхен, и та наконец улыбнулась в ответ.

Девушка протянула Гретхен руку, и та, махнув Марку на прощание, скрылась за высокой деревянной дверью, а Марк еще несколько секунд смотрел на то место, где только что были его дочь и новенькая преподаватель. Когда она протянула девочке руку, он сразу обратил внимание на ее необычное кольцо: белые нити золота обвивали большой нежно-фиолетовый аметист. Марк не был силен в ювелирных украшениях, поэтому и не был уверен, что это такое же кольцо, которое было на пальце у Агнессы. Лера ему все уши этим кольцом прожужжала, так оно ее впечатлило. Надо бы сказать ей, что, очевидно, это не оригинальная вещица, а обычный масс-маркет, значит, она вполне может найти такое и себе.

На всякий случай созвонившись с Анной и убедившись, что та точно сможет отвезти племянницу в детский сад, Марк наконец отправился в мастерскую. Однако добраться до нее и заняться картиной ему так и не удалось. Он как раз парковал автомобиль под окнами старого дома, на последнем этаже которого находилась его мастерская, как позвонила Лера.

– Ты не в салоне? – поинтересовалась она.

– С чего мне там быть? – удивился Марк.

По понедельникам у них был приемный день, и он должен был бы отправиться именно в магический салон, а не в мастерскую, но в пятницу они с Лерой все-таки решились нанять на работу Агнессу. Сколько ни раскладывала она карты, больше ничего конкретного сказать не смогла, но Марк знал, что карты не всегда хотят раскрывать все тайны. Об этом постоянно говорила еще Ксения.

Однако чем-то эта Агнесса его зацепила. Он интуитивно чувствовал, что она на самом деле неплохо умеет гадать. И хоть велико было желание выгнать ее после предсказания о сопернике, который может разрушить его семейную жизнь, Марк умел абстрагироваться от таких вещей, ценя в первую очередь профессионализм. А еще ему до смерти надоело тратить время на этот магический салон. Да, это была его идея и он страстно желал его открытия, но быстро устал. В его жизни снова появилась живопись, к ней добавились новые хлопоты после смерти Веры Никифоровны, и он чувствовал, что уже не испытывает того желания общаться с чужими умершими родственниками, как раньше. Возможно, раньше у него просто не было ничего другого. Однако подводить Леру ему не хотелось, вот он и молчал. Взяв на работу Агнессу, они оставили себе всего один день в неделю, остальное время отдав ей. И сегодня была как раз ее смена.

– Разве Агнесса не там?

– Видимо, нет, – вздохнула Лера. – Мне только что звонила клиентка, которая пришла на десятичасовой сеанс. Говорит, там закрыто.

Марк взглянул на часы. Те показывали уже четверть одиннадцатого. Нет, он и сам не отличался пунктуальностью, но если эта гадалка позволяет себе опаздывать в первый же рабочий день, когда, наоборот, должна была прийти заранее, чтобы успеть подготовить кабинет, это не лучший знак.

– А гадалке этой ты звонила?

– Конечно, звонила! Она не берет трубку.

– И что ты предлагаешь? – спросил Марк, уже прекрасно зная, что именно предложит Лера.

– Боюсь, нам придется поехать туда, – осторожно сказала та. – Я на сегодня кучу народа записала, всех кому нужно было погадать, мы не можем их обмануть. Раскидаем как-нибудь сами, главное, впечатление нужное произвести. Если Агнесса так и не явится и не ответит, будем считать, что она уволена.

Марк поднял голову и посмотрел на окна своей мастерской. У него были очень интересные окна. Точнее, одна стена почти полностью состояла из большого окна, поделенного деревянными перегородками на десятки маленьких квадратов. Какие-то из этих квадратов открывались, какие-то нет, но все они пропускали яркий солнечный свет, который заливал огромную комнату. Так хотелось сегодня поработать!

– Хорошо, я выезжаю, – вздохнул он, возвращаясь к ма-

шине.

– Да, я тоже еду, – отозвалась Лера. – Блин, убью ее, если она просто опять заблудилась!

Марк хмыкнул. Одни проблемы от этой Агнессы! Что в пятницу, что сегодня. И это она еще даже работать не начала.

* * *

К утру понедельника Рита чувствовала себя так, словно ничего и не случилось. Носовые кровотечения редко надолго выбивали ее из колеи, пятничная авария немного стерлась из памяти, тем более Соня, за которую она больше всего переживала, никак не показывала того, что испугалась или пострадала. Рита приглядывалась к ней, искала признаки сотрясения мозга, но ничего такого не находила. Видимо, девочка действительно ударилась только коленкой.

Пострадавшие люди, которые могли погибнуть, тоже не испугали ее. Возможно, Марк прав: чужая смерть не трогает их особенного ребенка, у нее к ней совсем другое отношение. Ведь даже когда умерла любимая бабуля, Соня не сильно грустила. Если они правильно ее поняли, она всего лишь сожалела, что теперь еще не скоро встретится с прабабушкой. О том, что такая встреча в принципе может не состояться, Соня даже не думала. Марк утверждал, что после смерти призрак Веры Никифоровны почти сразу перестал посещать знакомые места и родных людей. Он считал это хоро-

шим знаком: старушку ничего не держит на этой земле, она за всех спокойна. Рита тоже предпочитала думать, что бабушка обрела покой, просила и Марка, и Соню не тревожить ее лишний раз.

Марк все выходные вел себя как примерный муж и отец. Справедливости ради стоит отметить, что он почти всегда был примерным мужем и отцом. Кто бы сказал Рите, когда они только познакомились, что экстравагантный медиум, художник с проблемами с алкоголем, имеющий в анамнезе психиатрический диагноз, станет таким, она бы не поверила. И тем не менее, это было так.

Утром в понедельник Рита приехала на работу в прекрасном расположении духа. И уже на пороге больницы была перехвачена медсестрой Катей, которая убегала с ночного дежурства и по привычке делала это раньше положенного.

– Вы слышали последние новости? – таинственным шепотом поинтересовалась она, придержав Риту за рукав легкой куртки, как будто боялась, что та сбежит.

Рита отрицательно покачала головой.

– Я как ушла в пятницу вечером, так ничего и не слышала.

– А, ну да, – кивнула Катя. – Я же с Даниилом Сергеевичем дежурила, – из груди девушки вырвался томный вздох, из чего Рита сделала вывод, что такому раскладу медсестра только обрадовалась. Она искренне уважала и любила Маргариту, но остаться одной на ночь с Даниилом Сергеевичем было всяко лучше, даже если она и дождалась от него всего

пары дежурных комплиментов.

– Так что там за новости? – поинтересовалась Рита, давая Кате возможность заняться своим любимым делом: посплетничать.

– В соседней больнице в морге труп ожил! – выпалила Катя.

Рита ошарашенно уставилась на коллегу, забыв, что торопилась.

– В каком смысле?

– А вот в таком! – округлив глаза, заявила Катя. – У меня там подружка работает, она и рассказала: на ночь студентик из медвуза остался в морге, он месяца два уже подрабатывает. И вот часа в три ночи звонит в реанимацию и загробным голосом просит дежурную бригаду спуститься к нему. Ленка, подружка моя, сначала подумала, что парниша обкурился. Ну зачем в морге среди ночи дежурная бригада из реанимации?

– Не за чем, – согласилась Рита, потому что Катя замолчала, то ли переводя дыхание, то ли дожидаясь ответа. – Она там и днем ни к чему.

– Вот! И Ленка начала у него допытываться, что, мол, случилось. Он и говорит: труп ожил! Ленка думала к нему психиатрическую, а не реанимационную бригаду спустить, ну да все же попросила доктора проверить. Пошли они вдвоем. И что вы думаете? Реально на каталке, вытащенной из холодильника, лежит девушка. Живая! Дрожит сильно, со-

стояние, понятное дело, не лучшее, но живая! Ну, Ленка с врачом за нее, бегом наверх, пару уколов-капельниц – оклемалась к утру. Сегодня утром в хирургию обещали уже спустить, не тяжелая она.

– А почему в хирургию? – не поняла Рита. – Это их пациентка?

Она вообще плохо себе представляла, кто из врачей больницы может быть настолько неграмотен, чтобы отправить в морг живого человека, но отделение хирургии вообще казалось наименее вероятным вариантом. Если бы, например, кто-то решил, что девушка умерла во время операции, ее не стали бы зашивать, и уж тогда шансов очнуться в холодильнике морга не было бы никаких.

– У нее парочка переломов, – пояснила Катя. – Ленка говорит, по «скорой» привезли вчера, из приемника сразу в морг и отправили. В ДТП попала. Я по новостям видела: машина в остановку влетела.

Рита замерла, так и не вытащив из кармана телефон, на котором собиралась посмотреть время, ненавязчиво напомнив тем самым Кате, что ей пора на работу. Такое происшествие было всего одно за последние дни. Неужели это та самая девушка с необычной татуировкой на щиколотке? Рита ведь сразу решила, что она не жилец. Но надо быть совсем идиотом, чтобы отправить живого человека в морг. Хоть бы кардиограмму сделали, проверили.

– Как необычно, – протянула она, стараясь не выдать свои

чувства. Она не хотела, чтобы кто-то из коллег знал, что она тоже была на той остановке. Начнутся расспросы, новые сплетни, а Рита их ужасно не любила.

Рабочий день потек своим чередом. Пятиминутка, утренний обход, обследование новых пациентов, корректировка лечения старых… Время до обеда пролетело незаметно, и Рита втайне ждала его, ведь еще в пятницу обещала Данилу пообедать с ним, однако тот сегодня даже не вспомнил о ее обещании. Утром только поинтересовался, успела ли она за дочкой, и больше ничего спрашивать не стал. Одному из его пациентов никак не становилось лучше, и он весь ушел в работу. Риту это вполне устраивало. Она слишком хорошо помнила прикосновение его ладони к своему плечу и прекрасно понимала, что он имел в виду именно тот ужин, от которого затем открестился. Ее сложно было назвать такой уж опытной в отношениях с мужчинами, но между строк она читать умела и намеки понимала. Наивной дурочкой не была, тридцать три года уже.

После работы, закончив со всеми срочными делами и отложив на завтра несрочные, Рита решила заехать в соседнюю больницу, проведав девушку. Больница находилась практически по пути к ее дому, в детский сад за Соней она еще успевала. Девушка ее не знала и не помнила, но Рита почему-то чувствовала в себе необходимость увидеться с ней. Возможно, испытывала чувство стыда за то, что не попыталась спасти ее там, на остановке.

Первое время, узнав о своем даре и даже понимая всю его опасность для собственного здоровья, Рита никак не могла удержаться от помощи людям. Смирилась только после смерти любимой бабули. Как хотелось помочь, еще немного продлить ей жизнь! Ладони были невыносимо горячими, серебристые нити рвались наружу, но бабуля не желала этой помощи. Она заявила, что если Рита только попробует применить к ней свой дар, она выгонит ее и не позволит провести с ней последние минуты. Рита не могла на это согласиться, пришлось сдерживать Силу, как бы больно ни было. И когда бабуля в последний раз вдохнула, а на губах ее застыла облегченная улыбка, Рита поняла, что справляться с желанием помочь другим теперь будет намного проще. Уж если сдержалась сейчас, сдержится и потом. А вот поди ж ты, в глубине души ее все равно грызла совесть.

Как вскоре выяснилось, звали девушку Эвелиной Максимовой, и ей было всего двадцать два года. Она лежала в просторной светлой палате с огромными окнами, единственным недостатком которой можно было назвать разве что еще пять коек рядом. Три из которых занимали женщины весьма преклонного возраста, еще на одной лежала девушка с переломом ноги, а пятая пустовала. Только увидев эту картину, Рита сразу поняла, что бедняжке Эвелине здесь приходится несладко. Гипс закрывал лишь левую руку, а значит, она вполне способна ходить и помогать соседкам по палате. Рита уже давно выяснила, что в любой палате, где есть лежачие

больные или пациенты в возрасте, всегда находится кто-то один, на кого и вешаются все заботы.

Конечно, Эвелина запросто могла поставить себя так, что никто лишний раз и не рискнул бы к ней обратиться, но едва только увидев девушку, Рита сразу поняла, что она не из таких. Легкий больничный халат, который уже прилично затерся, но пока не порвался, чтобы его списать, больничные тапочки и больничное полотенце на спинке кровати – девушка явно одинока, раз никто не привез ей вещей из дома. Некоторые пациенты даже постельное белье предпочитают свое, не говоря уже об одежде и туалетных принадлежностях. Светлые волосы Эвелины были завязаны в простой хвост, открывающий высокий лоб, в широко распахнутых глазах сквозила настоящая доброта.

Когда Рита вошла в палату, девушка как раз поправляла одеяло тучной старухе, и той все время что-то не нравилось. Рита и сама была достаточно терпеливой и благожелательной, но, наверное, такие придирки вывели бы ее из себя, а Эвелина лишь мягко улыбалась.

Узнав, что Рита пришла именно к ней, потому что тоже была на той остановке, Эвелина предложила поговорить на диване в холле. И это было оправдано: все ее соседки по палате тут же обратились в слух, даже ворчливую старуху внезапно стало устраивать, как лежит одеяло.

– Вы терпеливая, – с улыбкой заметила Рита, когда они вышли из палаты и медленно побрели к диванчику. В это

время длинный коридор хирургии был совершенно пуст: приемные часы еще не начались, пациенты отдыхали в палатах, дежурные врачи и медсестры занимались своими делами кто в ординаторской, кто в сестринской. Даже пост пустовал.

– Я привыкла, – пожала плечами Эвелина. – У себя в городе воспитательницей два года работала в детском саду, детей очень люблю. Так что мне к капризам не привыкать. А старые – что малые.

– Значит, вы не местная? – уточнила Рита. Это объясняло, почему никто не привез ей вещи из дома.

Эвелина покачала головой.

– Из Самарской области. Захотелось каких-то перемен, вот и переехала. Правда, видимо, придется вернуться обратно. Работу найти я не успела, а теперь со сломанной рукой и дважды не смогу, а деньги уже заканчиваются. Дома хотя бы мама есть, поддержит, пока не вылечусь. Потом еще раз счастья попытаю. Возможно. Я же как раз с собеседования ехала, когда… ну, вы понимаете.

Рита кивнула. Они дошли до диванчика и устроились на нем.

– А что вы помните об аварии? – решилась спросить она. – И о том времени, когда вас считали мертвой?

Эвелина задумчиво уставилась в светло-голубую стену и молчала почти целую минуту.

– Честно говоря, аварию я вообще не помню, – наконец призналась она. – Я спиной стояла, поэтому машину не ви-

дела. Просто в какой-то момент услышала даже не крики, а просто сдавленное оханье других людей, обернулась, но не успела ничего заметить. Резкая боль во всем теле, а дальше темнота. Мне показалось, что прошло несколько секунд, когда я вновь начала осознавать себя. Тело опять начало болеть, особенно рука. – Она кивнула на загипсованную руку. – Поняла, что лежу на чем-то холодном и вообще вокруг очень холодно. Сначала подумала, что остановка обвалилась, а я упала в лужу, потому и холодно так, но потом поняла, что нахожусь в каком-то тесном замкнутом пространстве, и вокруг очень тихо. Сейчас думаю, что должна была очень испугаться, ведь я проснулась по сути в гробу, но тогда страха почему-то не было. Я только стала звать на помощь и стучать ногами по стенке. Повернуться не было места. А потом меня вытащили из этого, как оказалось, холодильника. Парень, который дежурил, дал мне свой халат и вызвал врачей из реанимации. Вот и все.

Рита кивнула, тоже немного помолчав. Это не сходилось с тем, что рассказывал Марк. С тем, что видел и чувствовал он, когда попал в аварию и находился в состоянии клинической смерти. Значит ли это, что девушка действительно была жива, а врачи просто дико ошиблись? Или смерть люди ощущают по-разному?

– А как вы себя сейчас чувствуете? – из вежливости спросила она.

– Хорошо, – улыбнулась Эвелина. – Даже рука уже почти

не болит. Сегодня до обеда меня возили по разным обследованиям, завтра обещали что-то еще, и если все будет нормально, послезавтра выпишут.

– Это здорово. Я рада, что все обошлось. И куда вы потом? Домой?

– Ну да, – Эвелина кивнула. – У меня комната оплачена на неделю вперед, хватит времени собрать вещи и уехать.

Рита еще немного помолчала, обдумывая внезапную идею, пришедшую ей в голову, а затем предложила:

– Если хотите, я могу помочь вам с работой.

Эвелина удивленно посмотрела на нее.

– В самом деле? С какой?

– Мне нужна няня. Я работаю, иногда сутками, муж у меня художник, порой тоже ночами в мастерской пропадает. А дочь то забрать из сада некому, то отвести. Да и вообще будет здорово иметь кого-то на подхвате.

Рита видела, что Эвелина жаждет согласиться, но в ее взгляде все равно проскальзывало сомнение.

– Но как же я со сломанной рукой?..

– Соне четыре с половиной года, и она вполне самостоятельный ребенок. Ухаживать за собой умеет. Еда в холодильнике всегда есть. Ваша задача следить за ее безопасностью и разогревать обед. К сожалению, какой бы самостоятельной она ни была, а оставить ее дома одну я не могу. Как и позволить самой себя забирать из сада. – Рита улыбнулась. – Ну же, Эвелина, соглашайтесь. Конечно, я одна не смогу пла-

тить вам достойную зарплату, чтобы на все хватало, но в нашей детсадовской группе есть еще несколько мам, которые наверняка не откажутся от няни.

Эвелина наконец широко улыбнулась.

– Спасибо вам! – горячо поблагодарила она. – Вы не пожалеете, честное слово!

И Рита почему-то ей верила. Сама от себя подобного не ожидала, ведь Марк частенько упрекал ее в том, что она трясется над Соней как наседка над цыплятами, а тут готова доверить своего ребенка человеку, о котором ничего не знает. Да, конечно, первое время под своим присмотром, но все же. Однако она почему-то была уверена, что Эвелина не подведет. Она действительно будет хорошей няней.

Или же это говорило то самое чувство вины?

Глава 5

Марк приехал в салон раньше Леры, но, поскольку ехал не из дома, ключи с собой не взял. Когда магический салон колдуньи Ксении, где они оба работали, располагался в обыкновенной квартире старого жилого дома в Апраксином переулке, ключи у него были всегда. Квартира имела два входа: парадный и черный. Второй и был переоборудован под вход в салон. Ключи от первой двери висели на общей связке, от второй он хранил дома и брал только тогда, когда ехал в салон. Марк никогда не стеснялся своей работы, поэтому не мог объяснить, почему не носит с собой ключ. Теперь же они с Лерой сняли маленькое полуподвальное помещение, вход в которое был всего один, и ключ от него он по привычке брал лишь тогда, когда собирался туда зайти. В это утро не собирался.

Марк походил возле двери, несколько раз подергал ручку, затем даже попытался заглянуть в узкое окошко, для чего пришлось встать на колени, настолько низко оно располагалось, но ничего не увидел. Окно было не только закрашено, но и задернуто плотными шторами, и понять, внутри Агнесса или нет, не получилось. Шторы они всегда задергивали. Когда работали – чтобы создать необходимую атмосферу, когда салон был закрыт – чтобы уберечь обстановку от любопытных глаз. Несмотря на черную краску, кое-что че-

рез стекло рассмотреть можно было. Ничего ценного в кабинете не хранили, небогатую выручку забирали каждый раз, уходя домой, но мало ли обычных хулиганов, которые могут позариться на колдовское добро?

Он услышал шум машины Леры и с трудом поднялся на ноги, держась за стену. Трость теперь брал с собой редко, только если предстояло много ходить, но вставать и садиться без нее было не так-то просто, особенно с колен.

Лера вышла из машины, и Марк понял, что приезжать в салон она сегодня тоже не собиралась, целиком доверившись новой гадалке. Обычно она тщательно поддерживала образ экстрасенса, носила черную одежду и кучу украшений, но сегодня выглядела по-домашнему: широкие легкие штаны, длинная футболка с ярким принтом, спадающая с одного плеча, завязанные в неаккуратный узел темные волосы. Даже солнечные очки, которые она носила постоянно, в разгар летнего дня не вызывали вопросов.

– Ну что там? – спросила она, видя, что Марк только что заглядывал в окно.

– Черт его знает, – отозвался тот. – Шторы задернуты, а я без ключей. Ты, надеюсь, взяла?

– Само собой, – заверила Лера, вытаскивая тяжелую связку из небольшого рюкзачка, заменявшего ей сумочку. – Вот стерва, если она нас еще и обнесла, я ей такие кошмары устрою!

– Ты ее найди сначала, – хмыкнул Марк. – Алтай большой,

знаешь ли.

Лера недовольно посмотрела на него, но ничего не ответила, занявшись дверным замком. Марк подозревал, что она плохо представляет себе размеры местности, откуда приехала Агнесса. Лера выросла в приюте, где ее все боялись, и никто никогда не занимался ее учебой. Когда они только познакомились, Лера по кругозору напоминала младшего школьника. Марк приносил ей журналы и фильмы, рисовал для нее картины, заставлял учиться как мог, идя на разные ухищрения, но стоило признать, что интереса к географии у нее никогда не было. Она быстро училась всему, за что бралась, но читать книги и смотреть Дискавери не входило в сферу ее интересов.

В салоне было темно и тихо, однако едва уловимый запах расплавленного парафина давал понять, что кто-то недавно был здесь. С пятницы ни Лера, ни Марк тут не появлялись, запах давно выветрился бы. Лера нащупала на стене выключатель, и почти одновременно с залившим маленькое помещение светом Марк почувствовал еще один запах. Он едва успел интуитивно опознать его, мозг еще даже не назвал это слово, как увидел его источник: посреди комнаты на стуле сидела Агнесса.

То, что она мертва, сразу поняла даже Лера, не почувствовавшая никакого запаха. Агнесса сидела к ним спиной, привязанная к стулу тонкой веревкой, длинные белые волосы свисали до самого пола, а вокруг валялось огромное количе-

ство больших черных перьев, как будто кто-то ощипал стаю ворон.

– Вот же! – выдохнула Лера, зажав рот руками.

Марк ничего не сказал, просто молча обошел Агнессу, чтобы увидеть ее спереди. Бледное бескровное лицо было наполовину прикрыто волосами, белое платье пропиталось алой кровью. Из груди Агнессы торчал нож с деревянной ручкой. Марк знал этот нож: они с Лерой пользовались им на импровизированной кухне. Убили гадалку, очевидно, совсем недавно, потому что кровь еще не застыла до конца, тяжелой густой каплей собиралась на краешке лезвия и беззвучно падала вниз.

Марк аккуратно убрал волосы с лица Агнессы, и тогда оба увидели, что перед смертью ее еще и избили. Один глаз заплыл, на губах запеклась кровь, на скулах алели кровоподтеки. Побитыми и даже изрезанными ножом оказались и руки, и ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.